

Иван Розанов
*Венера — низкая
звезда*

Роман о русском космосе
и венерических
заболеваниях

Иван Розанов
Венера – низкая звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008575

ISBN 978-5-4474-1347-7

Аннотация

Что ждёт нынешнюю молодёжь перед угрозой новых потрясений нашего беспокойного времени? Почему молодые люди выбирают путь потребительства и записываются в ряды системной оппозиции? Было ли поколение их родителей, чья молодость пришлась на перестройку, лучше? Что делать с потреблением, поразившим общество подобно венерической болезни? Кто виноват в том, что забыты мечты о русском космосе? Об этом – в романе «Венера – низкая звезда».

Содержание

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	5
1. ЗАКАТ НА ВОСТОКЕ	6
2. ОРДИНАРНАЯ МОЛОДЁЖЬ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Венера – низкая звезда
Роман о русском космосе
и венерических заболеваниях
Иван Розанов

© Иван Розанов, 2015

© Анна Розанова, дизайн обложки, 2015

© Татьяна Романова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Все персонажи и события, несмотря на очевидную связь с реальностью, являются полностью вымышленными. Образы известных персон симитированы... причём убого. Собственно текст изобилует фривольными сценами и, в силу своего содержания, вообще не предназначен для прочтения.

1. ЗАКАТ НА ВОСТОКЕ

Четырнадцатый год.

Ничто не оставалось прежним; казалось, что и созвездия небес переменили свои очертания. Луна напоминала людям лишь звонкую монету, ставшую единственным мериллом их жизни. Горела в нижней точке горизонта звезда Венера, но свет её теперь пробуждал в людях стремление к какой-то не такой, какой-то иной любви.

В свете переменившихся порядок звёзд летел над сокрытой за декабрьской пургой Россией серебристый самолёт. Стюардессы только что раздали обед. Гудели турбины. Стучали пластиковые вилки о пластиковые тарелки. Люди ужинали, не подозревая, что их жизни никогда уже не будут прежними.

– А где-то рядом война... – сказал кто-то из пассажиров.

– Двадцать лет назад никто бы и не поверил в такое! – ответили ему.

– Да никакая это не война, а так – игра провокаторов, – подключился третий голос и тут весь салон разом заговорил, каждый о чём-то своём и со своим собеседником, но разрозненные фразы складывались ёмко в общий напряжённый поток.

– Мои соседи пятерых беженцев к себе вселили!

– Странно, но салат свежий.

– Всё русские виноваты! Мы затеяли, нам и расхлебывать. Чем же я так в прошлой жизни провинился, что родился в России?

– А курица-то как обычно, пластиковая, безвкусная, как всегда в самолётах.

– Слава русским ребятам! Бедные, холодные, голодные, добровольцами там сражаются, и в цинковых гробах домой приезжают...

– Надо же, кофе здесь крепкий, настоящий, я-то думал растворимый будет... не ожидал, молодцы, хорошо работают.

– Такая бездарная страна у нас, только пьют и воруют, воруют и пьют... Всё без толку! И нас гражданская-то обязательно ждёт! Ещё страшнее, ещё кровавее... Бездарная страна!

– А сок так себе, как из ларька, могли бы и свежавыжатый подать.

– Скорей бы наши помогли, подсобили официально! Какое счастье, что мы русские!..

...В аэропорту Ростова-на-Дону приземлился самолёт авиакомпании Venus airlines из Москвы. Несмотря на напряжённую геополитическую обстановку, послеполётный досмотр пассажиров, летевших внутренним рейсом, практически не проводился – пассажиры поступали с борта в холл без промедления. Кого-то уже встречали, а кто-то сразу брёл искать такси, чтоб в гостиницу уехать. Они были, вестимо, без багажа, а кто-то ещё продолжал ждать свои вещи. Среди всех пассажиров выделялась одна девушка, которой, по всей видимости, некуда было податься. Она была в коротком, не по суровости погоды, пальто, с короткой, по моде четырнадцатого года, стрижкой-каре. То была Марина Петровна Синельникова, кареглазая двадцатичетырёхлетняя москвичка, оппозиционерка.

Маар ина прибыла в аэропорт Ростова-на-Дону ожидать запоздалый рейс, вылетевший с территории соседнего государства, бывшего братского, а теперь наполовину вражеского, плюс к тому одолеваемого внутренней войной. Тем рейсом, согласно кое-какой информации, поступившей к Марине, должен был вернуться её муж, Алексей Билич. Тот запланированный прилёт лайнера из соседней страны в Ростов, как обещали, должен быть последним официальным рейсом перед полным и безоговорочным закрытием какого-либо сообщения между двумя странами.

Алексей Анатольевич Билич был старше Марины на два года; к своим двадцати шести годам он мало чего добился, кроме широко распространившейся в узких кругах сомнительной репутации оголтелого либерала. Но недостаток собственной деятельности компенсировался хорошим материальным положением его родителей, хоть социальное их происхождение было дурным: из лимитчиков, да ещё и связанных с криминалом. Пару лет назад от описываемых тут событий Алексей сделался известным в кругах несогласной молодёжи, незанятой реальным делом, недурно сыграв с выгодой себе на ажиотаже вокруг всех протестных акций того времени. Особенно хорошо удалась та биличевская выходка, когда он симитировал собственное задержание и арест, находясь в то время на самом деле в частной клинике на лечении от дурного венерического заболевания. Отец Алексея, имевший очень уж прибыльное предприятие, даже поддерживал шумные делишки своего сына, рассчитывая на, «чёрный пиар» – как тогда модно было выражаться. К концу двенадцатого года протестные акции благополучно сошли на нет – проевшиеся бездельники из молодёжи совсем утратили способность к продуктивной работе, растаяв в собственной сытости. Алексей занялся под эгидой отца частной адвокатской деятельностью, которая осложнялась тем, что диплом о высшем образовании был у Алёши купленный.

Осенью четырнадцатого года, когда обострилась до белого каления и людской юшки ситуация в соседней республике, Алексей Анатольевич чего-то вдруг вспомнил, очевидно, под чем-то незримым влиянием и по чей-то указке, о своей позабытой активной гражданской позиции. И, естественно, нашёл он возможность без проблем преодолеть полузакрытую границу. Только вот местные оппозиционеры встретили его не так, как того Алексею хотелось – после тёплого приёма последовал отнюдь не ожидаемый им триумф и выступление с борта броневика перед покорной ему толпой, а плен.

С конца октября и по начало декабря об Алексее почти ничего не было слышно; Марина в Москве совсем извелась в своих переживаниях, успокоил её лишь один единственный Алексеев звонок из Киева. Голос был у него добрый; супругу свою он утешал и успокаивал; говорил, что не страдает, и что его непременно отпустят, как только настанет пора. Настал уж и декабрь; улицы городов завалило снегами и тематической предновогодней рекламой, а вестей от Алексея всё не было... Марине позвонил совершенно неожиданно отец Алексея, её свёкор, и сообщил, что Алексей прилетит в Ростов-на-Дону такого-то числа. В спешке собравшись, прихватив с собой лишь самое необходимое, Марина вылетела из Москвы, обители богов, меж градами первой...

...Суетились в зале аэропорта разномастные люди.

Какая-то девушка, рыжая, зеленоглазая, бледная, обнималась и крепко целовалась в губы с двухметрового роста парнем кавказской внешности, небритым и агрессивным на вид.

– Спасибо, спасибо тебе, что прилетел. Поехали ко мне скорее, – говорила девушка, повисая на шее у своего избранника.

– Надеюсь, твой мой муж действительно в командировке. А то получится как в прошлый раз... – отвечал ей грубоватого вида парень.

– Не получится, поверь мне, Слава и правда в Сибири.

А чуть поодаль от этих двух молодых людей стояла нелепая полная женщина, навьюченная бесчисленными авоськами, которая рыдала, тряслась, беседуя с кем-то по мобильному телефону.

– Что делать? Что делать? Как мы теперь без него жить будем? Как же так? Как же его убило? Куда пойти?

Женщина всё тряслась и продолжала задавать бесконечные безответные вопросы.

Наискось от женщины стояли двое мужичков простой русской наружности, и заметно было, что они подшафе. Они что-то шумно, притягивая к себе внимание, обсуждали, похлопывая друг друга по плечам и пошатываясь одновременно.

– Эх, Серёга! Какой же ужас там у них! Как? Как такое вообще возможно?

– А что с них взять-то? Что с них взять? Украина – страна шлюх.

– Э, братишка, ты чего такое говоришь? Так нельзя! А как же... как же мать городов русских, например, и всё такое?

– Дак я об ихних девочках. Все они уже здесь почти что. И красивые, и дешёвые! Как они говорят? Гарные? Да, гарные, гарные дівчини...

– Э, шельмец! Куда загнул! Знаю я тебя, ходока...

Марина оглядывала всех этих людей, столь разных. Она была в некоторой мере растеряна, и её обычно озорные карие глазки теперь выражали лишь озадаченность.

Марина вспоминала, как пролетала она над заснеженной, во мраке и в сполохах редких огней, Россией. Из окошка самолёта почти ничего не было видно. Был уже поздний вечер. Оставалось лишь угадывать ландшафты, простирающие на тысячи километров, в тысячах метров под самолётом. Иногда лишь видно было, как самолёт пересекает грозовой фронт, кромкой крыла срезая верхушки облаков.

Замело до крон русский лес. И не видно было под снегом, к каким породам принадлежат деревья: всё едино.

Состоянье спячки так похоже на кому, если не сказать прямо – на смерть. Но ведь странным, непостижимым образом подымется вновь от земли, пробудится заново природа. Снова перед нами в цветении своём возникнут тополя, берёзы и хвой.

Так и русский человек – чего только не случалось с ним за последнее столетие; по собственной ли глупости, по сговору ли врагов попадал он в беду, но всё равно сдюживал и выживал.

Замело до макушки русского человека. И не было порою видно под спудом житейских неурядиц века, какому сословию принадлежит тот или иной русский: всё перемешалось.

Состоянье междоусобиц и безвластия так похоже на кому, если не сказать прямее – на смерть. Но ведь странным, непостижимым образом всякий раз поднимаются от земли, пробуждаются заново русские. Снова перед нами в расцвете своих идей появляются крестьяне, дворяне и духовенство.

Русская земля отличалась поразительной красотой природы и не менее поразительной стойкостью этой природы в её борьбе с суровым климатом. Русские люди, казалось, вобрали в себя это качество, эту удивительную выживаемость.

Видеть родину именно такой учил Марину её друг и, в прошлом, любовник, патриот Иван Сапин. Девушка не очень-то хорошо вникала в смысл его слов. Не хотелось ей видеть родину такой, как ей приятель сказывал. А после того, как рассталась она с Иваном, и особенно после всего того, что случилось с Сапиным уже после его задержания, когда Иван был в месте не столь отдалённом, забылся и весь его образ и слова о родине. Марина тщательно изгоняла из памяти всё, по её мнению, нежелательное.

Марине родина виделась совсем другой, нежели Ивану. Красоту природы понимала она лишь летом, да и то многое её в пейзажах раздражало. Не могла девушка оценить глухую тишь лесной чащи, ей заметен был лишь придорожный, людьми нанесённый, сор на опушках. По нраву Марине был ближе какой-нибудь знойный приморский край, вроде Анталии. В том, что славянские племена расселились в древности в таких диких, труднопроходимых и суровых местах, девушка видела поразительную, граничащую с тупостью, недалёковидность предков.

Люди, окружавшие Марину, нравились ей ещё в меньшей степени, нежели природа. Раздражала её грубость, скотство, пьянство, физические уродства, тяжесть труда и безнадега без просветления – всё то, что примечала она за типичными русскими простого происхождения. Без дрожи и испуга не могла Марина заглянуть в их неприятные, суровые лица. Девушка не понимала, что и у неё было бы такое лицо, сложись её судьба и биографии её предков иначе. Во всех прегрешениях, в которых Маринин ум уличал этих людей, девушка обвиняла не внешних врагов, как её бывший друг Иван, а самих русских. Вся история России в понимании девушки состояла сплошь из неудач и постыдных фактов, и всё это, как Марина полагала, происходило по вине народа. А лидеры, от царей до вождей, от генсеков до президентов, все как один, были девушке неприятны – наблюдала она в каждом из них плоть от плоти народной.

Многие представители молодёжи поддерживали Иванову точку зрения, ещё большее количество скорее бы поддержали Марину. Всяких разных правд нынче стало слишком много, как сортов сыра в супермаркете – выбирай любую! Даже с плесенью имеется... Только вот сложно, особенно молодому существу без опыта, правду выбрать. Вот и непонятно было молодому русскому гражданину российскому, в какой же стране он живёт – в отмеченной богом, великой, с героическим прошлым, со своим путём развития России или же в нищей, грязной, бесперспективной тюрьме народов. Мнения разнились. И казалось, что две России, условно скажем, Россия в видении Ивана и Россия в видении Марины, существовали параллельно, одна на другую наложенные.

К слову, Маринин муж Алексей, хоть и был оголтелым либералом, относился к своей родине спокойнее, чем Марина – спокойнее вплоть до индифферентности. На окружавших его людей, знамо дело, Алёша смотрел свысока, причиной тому – зажиточность его родителей; к роскоши он привык с младых ногтей. А к характерам и судьбам, к пути развития страны он проявлял интерес постольку, поскольку с ними связан был его бизнес. Жизнь в России была подобна для Алексея Анатольевича какой-то командировке, в которой ему, как представителю заславшей его фирмы, предстоит трудиться, – бизнес, и ничего личного.

Любопытно, что многие молодые люди сейчас избирают именно Алексея взгляд на всё происходящее вокруг, и ведь есть с кого брать пример этим молодым людям – так же, пожалуй, смотрят сейчас на судьбы народа имущие капитал люди.

На пересечении разных путей развития, в опасной исторической развилке, придавленная грузом слишком разных мнений стоит нынешняя молодёжь...

...Вот пожалуй, одно из самых печальных моих воспоминаний. Я работал тогда в хирургическом отделении. Лежала там старуха; после сложной операции приходила она в себя, и ничем целую неделю нельзя было ей питаться. Я приходил к ней не реже трёх раз в сутки, ставил уколы, подключал капельницы. Не были, естественно, приятны слабому человеку эти процедуры. Наконец, разрешили той женщине отобедать. И я тут некстати подоспел: зашёл к ней в палату просто по-человечески о здоровье этой пациентки справиться. Хлипкой алюминиевой ложкой хлебала она картофельное пюре, такое жидкое, что более походило на суп. Надо же было видеть полные ужаса глаза той старухи! Она, вестимо, боялась, что я пришёл ей уколы ставить больнощие или капельницы какие; испугалась, что я её без выстраданного обеда оставлю. Больная замерла над едой. Алюминиевая ложка почти бесшумно упала на пол. Столько грусти и испуга было в глазах той старухи!

Так и всякий русский человек сейчас. Заложена в нём генетическая память обо всех страданиях и лишениях. Сейчас-то человек сытно и хорошо живёт, за границу многие ездят, жильём, бельишком, машинами, компьютерами обзавелись... А каково будет, когда ради выживания всё это отнимет у него история? Когда алюминиевая ложка бесшумно на пол упадёт... Какими глазами посмотрит вослед проведению русский человек, склонившийся к своей наполненной до краёв миске, после того, как ему на хвост наступят?..

Перед угрозой новых потрясений, может быть, что и самых значительных за всю историю, еле выправившись после адского распада и после расплавления самих, казалось бы, душ, в свете угроз и вызовов вселенского масштаба не прекращали все эти люди жрать...

Не стоит только осуждать этих вечно что-то жующих людей...

Менее чем за век, за четыре поколения перемололи их кости, втащили их на костяную грудь, а затем обратно, вниз скатились они по склону горы из скелетов. И больно ведь было когда в кожу и кости живых впивались костяшки усопших!

В холоде и в дрожи жили эти люди, сначала под богом, потом вослед за идеей, какой бы обманчивой не оказалась суть этой идеи. Чуть сытнее стали жить – и ленно стало работать, никто не поспевал ни к посевной, ни к жатве; потянулись народные руки за брагой, а вслед за брагой – за камнем, чтоб в брата кинуть. Снова в голоде задрожали русские животы. И вот когда, казалось бы, ничего не осталось, лучина не горела и жить стало нечем и незачем, выпрямились как-то согбенные люди, впряглись и зажили снова. И сытно ведь зажили, и ведь раздольно! Только вот после всех хождений на гору из костей и с горы этой, после голода, браги, братоубийства и снова сытности и заново браги свою меру потеряли люди, про веру и говорить не охота. Не знали они теперь, приболевшие завозным стяжательством, чувства насыщения во всех своих уладах и утехах. Как чуждо было это русской душе! Ужели удалось затушить неопалимую купину русской души? Время покажет...

Русский человек все времена живёт как бы в лимбе. У праведного судьи по скончанию века не будет русский народ ни прославлен, ни наказан, потому как, хоть и незапечатлен, в то же время и не худ и больше сам претерпел и выстрадал, нежели сделал вреда...

К Марине подошёл немолодой уже, коренастый, но не полный, скорее просто плотный, мужчина в новенькой, с иголки, чёрной полицейской форме. Форма, несмотря на приземистость фигуры полицейского, сидела на нём очень хорошо. Мужчина заглянул Марине в лицо, призывая взглядом её остановиться. У него были большие голубые, с рыжцей, глаза, в морщинках вокруг которых виднелась какая-то особая, с годами видимо приобретённая, грустинка.

– Добрый вечер. Извините, вы – Марина Петровна Синельникова? – вежливо улыбнувшись, спросил девушку полицейский.

– Так точно, – ответила ему Марина, пошутив. Пошутила она зря и некстати: сразу после шутки почувствовала она холодок в затылке, означавший приступ страха, и покраснела. Чёрт возьми, кто знает, ведь могли девушку и задержать: времена были беспокойные.

– Марина Петровна, мне нужно побеседовать с вами.

– Что-то пошло не так?

– Нет, что вы. Марина Петрова, вы не беспокойтесь. Всё будет хорошо.

Марине стало малость не по себе от этого «всё будет хорошо», не смотря на то, что полицейский был весьма добродушным на вид и сдержанно-тактичным в манерах.

– Просто кое-какие правила безопасности, – сказал мужчина, и почесал зачем-то фуражку, – Просто нам надо побеседовать. Пройдёмте, пожалуйста, со мной.

Они зашагали по холлу аэропорта, а затем пошли по длинному коридору этажом ниже, с чередой закрытых полуподвальных служебных комнат. Полицейский вдруг резко остановился, и снова поглядел Марине в лицо, улыбнувшись.

– Марина Петровна, извините меня. Я совсем забыл представиться... Михаил Романович Сапин, майор.

– Очень приятно, – ответила из вежливости Марина, хоть и было ей скорее страшно, чем приятно. Испуг в ней усиливался. Словно в забытьё не сразу дошло до девушки, что с фамилией «Сапин» в своей жизни она уже сталкивалась: Сапиным звали Ивана, её друга и, в прошлом, любовника.

– Вы, Марина Петровна, не переживайте. Я много времени у вас не отниму. А побеседовать нам стоит. Багаж с вашего рейса всё равно пока что не выдали.

– А о чём, Михаил Романович, следует нам побеседовать? Я что-то сделала не так?

– Марина Петровна, всё так, не в вас дело. Просто нужно побеседовать. Всё будет хорошо.

Марине снова стало как-то не по себе при произнесённом обещании дальнейшего благополучия.

– Вы извините меня, Марина Петровна, что так далеко приходится идти. Меня недавно из Москвы сюда перевели на особое задание, сами понимаете, в связи с какими политическими событиями последних дней, – Сапин грустно вздохнул, – Кабинет только вот тут, в глубине, выделили. Ну и ничего – работать можно!

Девушка была удивлена проявленной к ней вежливости. Сапин, в её представлении, был чересчур обходителен с ней.

Марина и полицейский прошли мимо двери с надписью «Приём беженцев», и пошли дальше. «Неужто меня за беженку приняли?», подумала уж было девушка, но потом поняла, что беженцев тут и без неё много, да и назвал её полицейский отчётливо по имени-отчеству.

Марина и Михаил Романович дошли наконец-таки до кабинета. Помещение было подвальное, окно приходилось ниже уровня первого этажа и за ним ничего, кроме асфальта, не было видно. Мебели практически отсутствовала: скорое перемещение сюда майора Сапина было налицо – не успел он ещё обустроить свой кабинет. Михаил Романович сел у окна за столом, а Марина – напротив него. Между ними была лишь настольная лампа. Классический антураж для рядового допроса. Того и глядишь, засветил бы майор своей настольной лампой Марине в лицо при малейшем проявлении неправдоподобия в её ответах. Но нет. Разговор пошёл по совершенно иному распорядку.

– Извините, ещё не обустроился тут. Сигарету или шоколад не могу предложить. Да и если бы предложил, слишком бы было похоже на допрос.

– Ничего страшного. Скажите по существу, для чего вы меня вызвали?

– Марина Петровна, поймите, времена сейчас сложные, а ваш муж – известный в определённом смысле человек, да и вы тоже. Каждую интересную личность мы приглашаем для беседы. Это вопрос безопасности. Главное, не волнуйтесь.

Приятно было оппозиционерке запоздалое признание её так называемой борьбы... Марина повесила своё коротенькое пальто на спинку стула: в помещении было душно. На девушке было хорошо подходившее к её спортивной фигуре шерстяное платье с длинным рукавом, коричневое в серую широкую горизонтальную полосу, и чёрные, плотные колготы. Марина поправила причёску полукокетливым жестом. Сидела она нога на ногу, боком к полицейскому. Тот оставался безучастен к женскому обаянию Марины и смотрел на неё мягко, как отец на ребёнка.

– Я спокойна, спасибо. Так о чём будет беседа? – заговорила девушка.

– В соседней с нами республике сейчас беспокойная ситуация. Там – полномасштабная гражданская война. Хотя эти события обычно так явно не называют.

– Конечно, я слышала об этом. Я очень соболезную местным жителям.

– Согласитесь сами, что это в интересах лиц, обеспечивающих безопасность в государстве, следить за всеми перемещениями наших соотечественников через границу соседней с нами страны, которую постигло такое несчастье.

– Соглашусь. Только я вот думала, этим занимается таможенная служба.

– Таможенная служба и пограничные войска в первую очередь! Но нагрузка на все эти организации очень возросла из-за беженцев, и было решено произвести некое перераспределение обязанностей.

– И что досталось вашей службе?

- Проводить беседы.
- Беседы?
- Именно. Мы должны предупреждать всех, связанных с пересечением границы хоть как-либо, о возможных опасностях.
- Но я не собираюсь пересекать границу. Я приехала сюда встретить рейс, возвращающийся оттуда. На борту должен быть мой муж.
- Марина Петровна, я осведомлён.
- Скажите прямо, а рейс будет?
- Марина Петровна, вы только не волнуйтесь. Рейс ожидается.
- Объясните мне, пожалуйста, что значит, что рейс ожидается?
- Рейс должен быть. Самолёт прилетит. Но самолёт задерживается.
- Как долго он будет задерживаться?
- Мы сейчас не можем сказать. Вы только сейчас не волнуйтесь. Связи сейчас нет вообще.
- Связи?
- Никакой связи с той страной нет. Это обусловлено действиями военных.
- Что, уже и войну объявили?
- Нет. Вы должны понять, ситуация идёт к урегулированию. Рейс будет, самолёт прилетит. А военные и в мирное время средствами радиоэлектронной борьбы пользуются.
- В Москву можно будет мне позвонить с вашего служебного телефона? А то у меня мобильный телефон что-то не работает здесь...
- Марина Петровна, с Москвой тоже нет связи. Открыт только служебный канал.
- Почему?
- Так необходимо сейчас.
- И что же делать?
- Марина Петровна, вы должны дождаться рейса. Если что-то случится, мы вам поможем. Понадобится гостиница – предоставим. Вам – в порядке исключения, а то нам ещё и беженцев расселять. Такая вот информация поступила – заселить вас если что.
- Спасибо большое. Только не пойму, за что мне такая честь.
- Вам не стоит беспокоиться на этот счёт.
- Спасибо за предложение заселить меня в гостиницу, но, я надеюсь, рейс прилетит в ближайшие часы и гостиница мне не понадобится.
- Я рад вашей уверенности, Марина Петровна. Но я не знаю точно, и вряд ли кто-то в сложившихся условиях знает, когда точно прилетит самолёт.
- Не беспокойтесь, я дождусь.
- Если у вас будут какие-то вопросы, какие бы то ни было, то обращайтесь ко мне.
- Спасибо за предложение... У вас есть ещё что-то ко мне?
- Да, Марина Петровна, если позволите. Но эта часть разговора будет не совсем в рамках моей компетенции и прямых должностных обязанностей.
- Мой багаж ещё не получили?
- Мне пока не сообщали.
- Тогда давайте продолжим беседу.
- Давайте. Марина Петровна, вы меня тоже поймите. Поймите мою мотивацию. Я долгое время в рамках своей работы в министерстве занимался профориентацией молодых сотрудников. Популярные лекции по вопросам закона и порядка читал ещё. Эта деятельность, разумеется, отложила определённый отпечаток на моё мировосприятие... Так что, я надеюсь, мои слова не покажутся вам... лекцией.
- Обещаю вам, что нет.

– Вы своей уверенностью прямо-таки выбили меня из колеи. Знал ведь, с чего речь свою начать, а теперь не очень-то знаю.

– Начните уж с того, чего хотели.

– Я ведь знаю, что ваш муж, да и вы, не смотря на ваш молодой возраст, стали известны в среде компьютерных сетей и в некоторых узких кругах, а там со временем и в части средств массовой информации, как оппозиционеры, – начал с выдоха и после небольшой паузы Михаил Романович, рисуя жестами на плоскости столешницы нечто вроде параллелограмма.

– Бесплезно будет сейчас что-либо отрицать.

– Я не осуждаю вас за вашу активную, так сказать, гражданскую позицию, и вашу точку зрения по общественно-политическим вопросам, отличную от общепринятой. Вовсе нет. Вы ведь официально не были осуждены за вашу деятельность?

– Нет. Не были.

– Вот и ничего вам опасаться. Дело в другом, Марина Петровна. Я просто хотел спросить у вас, сейчас это ключевой вопрос... Скажите, что вами руководило, вами и вашим мужем, когда вы выходили на площади с белыми ленточками на груди скандировать? Что руководило вашим мужем, когда он прибыл на ту территорию, где сейчас гражданская война идёт?

Михаил Романович в упор поглядел на Марину Петровну. Она отвела взгляд, ей стало не по себе, и, к удивлению своему, почувствовала она в себе намёки на чувство стыда. На вопросы, подобные тем, что задал ей Михаил Романович, она привыкла отвечать, что для неё, как и для всякого оппозиционера, главная установка – это стремление к справедливости. Именно об этом они привыкли твердить. Только вот были эти слова фальшью: стремление к истинной справедливости было для большинства молодых оппозиционеров, пожалуй, самым последним по значимости мотивирующим фактором. Важнее было эгоистично заявить о себе, реализовать незадействованную прежде и находящуюся в переизбытке у молодых людей энергию. Да и потом – за это вот простое «показать себя» и платили нехило разномастные доброхоты. Марине, как и её мужу Алексею Анатольевичу, просто было врать о своих якобы благих намерениях, покуда на них белая ленточка была нацеплена. Известно ведь, что белая ленточка на груди, что волшебная шапочка – всякую ложь невидимой делает... Марина не могла понять, почему она не могла никак соврать, покуда смотрели на неё голубые, с рыжцей, с морщинками вокруг ввиду усталости, глаза Михаила Романовича.

Марина сказала ему в ответ:

– Не знаю почему.

– Не знаете вы, не знаете! В том-то и дело, что не знаете, что стыдно сказать, а ещё стыднее признаться самим себе, в чём же дело, – с экспрессией проговорил Михаил Романович, жадно ухватившись за Маринин ответ.

– Наверное... – сказала Марина, уставшая после перелёта, болтанки в воздухе ввиду непогоды, уставшая так же и от разговора. Казалось, девушка была готова согласиться с любым словом полицейского. Причиной тому было ещё и особое обаяние Михаила Романовича.

– Скажите мне, Марина, честно – не к ещё большей ли сытости вы стремитесь своим протестом? Хотите лишь того, чтобы именно вам ещё лучше жилось?

– Не вижу в этом ничего дурного... Наверное, так оно и есть, – отвечала Марина как бы в раздумьях и в замешательстве, не понимая, к чему идёт разговор.

– Ну вот, вы молодец. Вы – честная девушка. Честно признались.

– Что вам тут ещё сказать...

– Скажите только: ведь ваш муж на территорию, поражённую гражданской войной, в общем-то, поехал в ожидании некой... денежной компенсации?

– Я лучшего мнения о своём муже.

– Жена и должна о своём мужчине хорошо думать. Вы всё правильно делаете. Будьте со мной честны. Вашему мужу ведь пообещали заплатить за его поездку? Ну же, скажите мне честно. Я никому не расскажу, всё останется между нами.

– Да, моему мужу пообещали...

– Вы дважды честная девушка, Марина. Второй раз честно ответили на непростой вопрос. Простите, что беспокоил вас. А теперь меня послушайте.

– Может, я пойду? – спросила Марина, потому что уже утомилась. Беседа оставалась для неё непонятной и неприятной, не смотря на личное обаяние Михаила Романовича.

– Погодите ещё пять минуток. Неясно мне, почему те, кто закон охраняет, меньше, чем противники власти, получают.

– Вам что, обидно?

– Нет, мне не обидно. Что вы! Пустое. Мне вообще ничего не нужно. Мне важна моя работа. В том то и дело. Это молодым, нынешнему молодому поколению, пожалуй, слишком многое нужно. Общество потребления – сейчас это так называют. Ведь так? Никогда ничем тем, что имеете, довольны не будете. Таково ваше поколение. Ваша цель – без меры стремиться к чему-то большему.

– Это разве плохо? Вы нас за это осуждаете?

– Нет, ваше дело молодое... Время покажет, что оно, может быть, ещё и правое.

– Михаил Романович, чего вы от меня хотите?

– Чтобы вы послушали меня.

– Я и так вас слушаю.

– Я, откровенно говоря, не понимаю протест молодых, не понимаю ваше поколение, и отказываюсь понимать, почему вам всегда всего мало.

– А у нас разве что-то есть?

– Вы просто не понимаете. Вас наградили свободами в ассортименте, у вас так много возможностей! Но на вас и ответственность большая лежит. Вы созрели в переломное историческое время, и от вашего поведения, я думаю, многое зависит. А справитесь ли? Вот как мне кажется молодёжь ни к чему, кроме большей и большей сытости не стремится. Вот, скажем, начнётся, не дай то бог, большая война, что вы, Марина Петровна, будете делать как гражданин?

– Не знаю... – ответила почему-то именно так девушка.

– Не знаете вы? Вот в том то и дело, что не знаете. Что толку от ваших интернетов, речёвок, протестных акций? Вы защищаться-то не пойдёте, если что-то не дай боже, серьёзное случится. Так и будете сидеть в своём любимом кафе, поедая свои любимые шоколадные маффины, попивая любимый ванильный кофе, взяв столовые приборы в руки неправильно, рассуждая о том, как же здесь жить плохо – пока гусеницы танков не разобьют окна кафе.

Марина чувствовала себя вконец разбитой, ей нечего было ответить, а хотелось ей одного – поскорее уйти восвояси. Но Михаил Романович решил, что называется, «дожать». Он продолжил свой монолог, руководствуясь какой-то странной, одному ему понятной, логикой.

– Знаете, что напоминает мне ваше поколение?

– Что же?

– Поколение двадцати-двадцатипятилетних напоминает мне некое племя, которое всю мораль отбросило, никто не остался невинным, а до продления рода дело у них так и не дошло... Оно осталось по недоразвитости своей, извините меня, бесплодным. Бесплодие без невинности, я бы это так образно озаглавил. Я сейчас не только о продлении рода говорю, чтобы вы понимали. Я о наследии как таковом...

Марина не придавала значения этой фразе, и не провела параллели с венерической болезнью её мужа, сделавшей его неспособным к продлению рода. Не обиделась и не расстроилась она, услышав о бесплодии. Бесплодие мужа было для Марины закрытой темой – эту деталь совместной биографии изгнала она из своей головы окончательно и бесповоротно.

– Вы считаете, наше поколение не оставит наследства вообще никакого?

– Сбежите от истории в никуда. Да, я так полагаю, так и выйдет.

– Интересное у вас мнение, Михаил Романович. Странной вышла наша беседа, но мне интересно было вас послушать.

– Разве?

– Да.

– И даже подумаете обо всём, что я сказал, обо всём этом?

– Завтра я подумаю об этом, – Марина натянуто улыбнулась, в глазках её блеснул на секунду лукавый огонёк.

– Что ж, спасибо вам за внимание, и простите, что я вас задержал. Простите, визитной карточки у меня, в отличие от вас и вашего мужа, у меня нет...

Михаил Романович накарябал на бумажке свой телефонный номер и протянул девушке. Бумажка оказалась полусмятой в смуглом кулачке.

– Марина Петровна, пока будете рейс ждать – звоните мне по любому вопросу. Решим, поможем.

– Спасибо вам большое. В самом деле спасибо! А теперь я могу идти?

– Можете, Марина Петровна и всего вам доброго.

– Спасибо, – сказала Марина и приподнялась с грацией в движениях, скрывая за кокетливостью всё нарастающее в ней напряжение. Она направилась уж было к выходу, но Михаил Романович окликнул её.

– Вот, Марина Петровна, кое-что для вас, – с этими словами майор выкатил откуда-то из-под своего стола клетчатую сумку на колёсах.

– А это ваш багаж, Марина Петровна. Будьте счастливы! У нас в аэропорту, кстати говоря, замечательное кафе, советую там переждать – потрясающий выбор средиземноморских блюд! Всего вам доброго...

Финт с багажом напугал девушку окончательно. К чему был весь этот цирк? В смешанных эмоциях вернулась Марина Петровна в холл аэропорта, так и не понимая, к чему была эта беседа; не понимая, зачем же по существу, помимо возвращения багажа, вызывал её к себе Михаил Романович. Не могла она, испуганная девушка, сопоставить в своей голове доступные ей и даже весьма очевидные факты, говорящие о том, что майор Сапин – отец её бывшего друга и бывшего любовника Ивана, русского патриота. Не помнила Мариша всего того, что говорил ей Иван о своём отце. Хорошо хоть, что помнила Марина о том, что случилось с Иваном после его ареста, уже в месте не столь отдалённом – помнила всё равно, как бы не пыталась она это забыть...

Запорошило, запорошило без прогляди территорию аэропорта. Погода стояло явно нелётная. Запорошило соседнюю братскую страну страшной порошей гражданской войны. Эх, кабы не хватило бы им порошка-пороха – счастливее бы людям стало! Но порох ещё был. Времена были явно отчаянные...

Марина из окна холла поглядела на взлётную полосу и рулёжные дорожки аэропорта. Станный, по её мнению, самолёт, который она приметила ещё сходя с трапа, стоял на своём месте. Марина не знала, что это был бомбардировщик «Медведь», который остался зачем-то в гражданском аэропорту, очевидно, надеясь надёжно перезимовать одну-две ночи. Самолёт тот был хоть и тяжеловесным на вид из-за своих восьми винтов и крыльев большого размаха, а так же шипов и выростов антенн и датчиков по всему своему телу, но всё равно

оставался сквозь свою грубую силу непостижимым образом изящен. От назначения быть бомбовозом осталось одно лишь название. Отряд этих самолётов неустанно летал вдоль границы, по самому разделу спокойного и беспокойного миров, не зарядившись бомбами, лишь облучая территорию соседней страны всепроникающими лучами, невидимыми человеческим глазом. Такова была война нового времени – прошло безвозвратно время честных боёв, с глазу на глаз и с правилами. Войны нового времени велись многомерно, многопланово, и, в основном, столкновения шли невидимыми фронтами. Самая сложная борьба велась в людских умах, особенно в умах молодёжи. В странные игры была вовлечена из принципа не согласная с властью молодёжь. В запале своего протеста не понимали молодые люди, кто и для каких целей использует их...

Марина, хоть и была оппозиционеркой, то есть человеком априори равнодушным к политическим событиям, в случившуюся с соседней республикой гражданскую войну отказывалась верить. Это не было тем неверием от страха, что присуще было её родителям. Нет. Марина не верила, так как просто не хотела принимать близко к сердцу и пропускать через себя информацию, передаваемую в новостях.

Ужасы и страхи войны оказались погребены под спудом безразличья. Это было, вообще говоря, очень характерно для молодого поколения.

Молодёжь, из принципа несогласная с официальной государственной политикой, следила за событиями в бывшей братской соседней республике и активно обсуждала их в уютных интернетах лишь пока не началось ожесточённое кровопролитие. А уж как оно началось, несогласная молодёжь словно воды в рот набрала – но непонятна была причина их молчания: толи страх обуял и заставил рты замкнуться, толи таково было указание свыше. Изредка, и теперь лишь вполголоса, выступали либеральные по настрою, не занятые каким-либо конкретным делом, молодые люди в интернетах. И ещё в своих излюбленных кафешках беседовали, последовательно занимая антинародную позицию, забывая по скупости оставить официантам на чай.

Марина, к моменту начала гражданской войны, почти отреклась от своего прежнего круга общения, и посему не принимала участия в обсуждении злободневных, на людской крови замешанных, тем.

Марине неясно было, почему её мать плачет, а отец нервно вздрагивает в редкие часы совместного, на троих, досуга, омрачённого коллективным просмотром новостей. Девушка была чуть старше своего государства – она не могла понять, что территория соседней республики, где теперь гражданская война, ещё не так давно была частью России: для неё обуянные беспокойством и войною земли были неким абстрактным пространством, и ничем большим. И вообще, Марину в свете событий тех дней более всего волновал один лишь единственный вопрос: девушку беспокоило превыше всего, что нет правдивой оценки событий и что заказным и продажным, по её мнению, отечественным средствам массовой информации не стоит верить.

Сильнее людских смертей, боли и покалеченных враз и навсегда судеб ценили молодые люди так называемую правду – подразумевая под правдой любую информацию, поданную под определённым соусом мировосприятия и носящую единственно возможный, по их мнению, политический окрас.

Вот так и получалось, что правд было много – у каждой кучки, у каждой стайки и у каждого течения была своя истина, притом непогрешимая, ведь политологов всех мастей развелось больше, нежели чем было конкретной политики. Дошло до того, что будто бы под гипнозом вошедших в раж журналюг, не понимали теперь граждане, где ополченцы, а где государство; где свои, а где чужие. Вот к чему привела разгулявшаяся без меры гласность: не к истине пришли люди, а к ещё большему обману, в котором практически невозможно было разобраться.

Где ж правота? Где ж истина? Посреди двух мнений она залегает – но посреди каких двух? Неясно.

Впрочем, это я сейчас всё огульно говорил, предвзято притом рассуждая: всё, что выше приведено, пожалуй, всё же было характерно для небольшого процента молодёжи.

Большей же части молодёжи и в самом деле было на всё наплевать.

Марина вспоминала свою последнюю по времени встречу с отцом.

Маринин отец, Пётр Алексеевич Синельников, был инженером, кандидатом наук, патриотом. Пётр Алексеевич работал в космической сфере. Отношения его с семьёй вышли непростыми... В начале девяностых годов, когда жить стало совсем туго, а Марина была совсем ещё ребёнком, Пётр Алексеевич в Москве почти и не бывал – жил в Новосибирске со своими родителями, потому что работал одновременно и в московском научно-исследовательском институте, и в его новосибирском филиале, – иначе было не прожить... В Москве отец семейства бывал набегам. Мать Марины ехать в Новосибирск не хотела. Позднее Марина, в пубертате, да и мать её тоже, в кризисе среднего возраста, часто обвиняли несчастного Петра в том, что он-де ребёнка оставил одного на попечение матери и мало в семью вкладывался. Но что же было делать Петру в то сложное время, время распада? Уж ли не в частную лавочку идти ему? Нет. Пётр был убеждённым романтиком и патриотом – свято верил в то, что делает, любил свою родину и делал всё посильное для постиженья русского космоса. Время показало, что Пётр не прогадал – выброшенные на обочину капиталистического рынка интеллигенты от инженерии снова стали востребованными в своём отечестве в двухтысячные годы. Пётр Алексеевич обеспечил дочку отдельной квартирой, в Измайлово, оставшуюся от Марининой прабабушки, что скончалась в девяносто шестом году в разгар второго тура президентских выборов.

Примерно с одиннадцатого года Пётр Алексеевич, Маринин отец, снова стал редко бывать в столице – научных дел в сибирском отделении было невпроворот. Марина, теперь уж взрослая, и её мать, теперь уж перенёсшая перестройку климакса, отныне не осуждали Петра Алексеевича за его фанатичную приверженность своему делу. Специалистам его уровня и профиля теперь платили отлично – как в лучшие времена вселенских строек. Повзрослевшая Марина, успешная студентка, не нуждалась теперь в постоянной опеке отца, не серчала на него за долгое отсутствие дома. Углы домашних конфликтов сгладились, и этому очень поспособствовало улучшение материального положения семьи.

Пётр Алексеевич преобразился. Как только стукнуло ему пятьдесят, начался у него своеобразный расцвет и подъём. И семью свою он хорошо обеспечивал, и дочка у него прилежно училась. А, что было важнее для него всего прочего – дело его было снова нужно стране. Синельников стал хорошо одеваться, в строгие костюмы, а не во что попало как раньше, отрастил окладистую бороду. Стал осваивать модные вещицы из компьютерной сферы, проник в интернет и во всякие там социальные сети.

Одного только Пётр Алексеевич не понимал: почему это новая молодёжь не ценит всех стараний государства и государственников, почему им всего мало, как капризным и неразумным детям...

...До этой встречи Марина отца не видела три-четыре месяца. Квартиру, доставшуюся от прабабушки, Марина сдавала в аренду. Жила Марина в квартире мужа Алексея, которого в тот день не было дома. Пётр Алексеевич, прежде чем отправиться к законной супруге на побывку, решил навестить для начала свою дочку. От отчего-то застеснялся посещать дочкино новое жилище, предлагал сходить в какой-нибудь ресторан, но, в конце концов, Марина его, что называется, уломала.

Поначалу планировали Синельниковы-старшие вдвоём навестить дочь в её жилище. Но Маринина мать Софья Андреевна в последний момент передумала к дочери ехать под

каким-то невинным предлогом навроде мигрени. Наверное, это было неплохим расчётом: Марина бы смогла наедине побеседовать с отцом, а отец, в свою очередь, после ужина у дочери, спокойно себе мог бы остаться у Софьи Андреевны на ночь.

...Пётр Алексеевич прибыл по указанному адресу в Крылатское. При входе в парадную висело объявление, написанное перманентным маркером, без единого знака препинания:

«Пропали две собаки белые суки ненавижу эту страну».

Петру показалось, что в тексте объявления значилась вся суть либерального мировоззрения. Он ещё раз перечитал внимательно текст объявления и сфотографировал это явление человеческого остроумия с помощью камеры мобильного телефона, стесняясь собственного жеста, – так многие люди старших поколений стесняются новых технологий.

Робко переступил Пётр Алексеевич порог дочкиной квартиры. Подивился сразу хорошему ремонту и общей, заметной сразу, устроенности быта. Марина встретила его на пороге, нарядная, в синей блузе и чёрной строгой юбке, улыбающаяся, розовощёкая, несмотря на смуглость кожи. Вся робость Петра Алексеевича сразу прошла, как только он обнял дочку, и подивился, какая же она стройная, ладненькая, хорошая. Всякий раз, как видел её, готов был удивляться вновь и вновь. Отец и дочь и в самом деле были чертовски рады видеть друг друга. Как только они обменялись любезностями, Пётр Алексеевич сразу достал аккуратным жестом из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон в красивом коричневом чехольчике – чтобы показать объявление про двух белых собак и ненависть к родине. Марина приятно удивилась «современности» её отца – Синельниковский фокус явно удался.

– Как там бабушкина квартира в Измайлово... то есть, теперь твоя квартира, Марина? – с ноткой отеческой заботы в голосе поинтересовался Пётр Алексеевич.

– Нормально всё. Сдаю. Платят регулярно съёмщики.

– А они хоть русские? А то обидно, если там сейчас пол-аула.

– Папа, ты чего? Теперь и в националисты заделался?

– Да так, ничего. Так русские там?

– Да, русские.

– Ну, и слава богу.

Девушка уже подготовила обеденный стол. Сервировала она на кухне. Евроремонт там был особенно удачен. Ужин была преимущественно европейский, с претензией на средиземноморскость, но с русскими элементами.

В начале дня Пётр Алексеевич заезжал кое-куда по делу почти что государственной важности и посему был он в тот вечер особенно хорошо одет: белая выглаженная сорочка, синий, в ромбик, галстук и лазоревый, под цвет галстука, костюм. Приступая к обеду, Пётр устроился в креслице перед столиком с особым изяществом жестов, пожелав дочке приятного аппетита; обедал он аккуратно, благородными движениями поднося пищу ко рту – толи в силу воспитанием заложенных хороших манер, толи просто боялся запачкаться.

Почти в молчании покончив с основными блюдами, решили отец и дочь откупорить бутылочку недешёвого кьянти прежде чем к закускам и десерту перейти.

Марина сидела, уютно устроившись с бокальчиком вина в кресле, подогнув под себя ноги. Поблёскивали натянувшиеся на коленках колготки телесного цвета. Пётр Алексеевич глядел на свою дочку довольным, добрым взглядом, радостный из-за того, что дочь его выросла такой смышлёной и привлекательной.

– Гляжу вот на тебя, Маринка, и понимаю, что на кого-то ты очень похожа.

– На кого это, на кого? – проявила заинтересованность Марина.

– Ты уже девочка взрослая, могу и рассказать.

– Так на кого я похожа?

– Когда я учился в аспирантуре, была у меня одна девушка... Мы были влюблены...

По профессии она была венерологом... Очень на тебя похожа! Или это ты на неё похожа.

Не знаю. Волосы, как у тебя, кареглазые вы обе. И в поведении – вы обе с перчинкой, с огоньком, словцо едкое умеете вернуть в разговор.

Марина миленько посмеялась, прикрывши рот ладошкой.

– Папа, ты знаешь, есть одна теория... Только она лишь женщин касается, но может именно в твоём варианте и мужчин тоже...

– Что за теория?

– Британские учёные установили, что в силу каких-то неизвестных явлений, когда женщина первый раз рожает, её ребёнок не только на отца похож, но и на первого полового партнёра. Может, и на мужчин этот закон как-то тоже распространяется.

Пётр Алексеевич сдержано хихикнул.

– Эх, Маринка, ну о чём ты с родным отцом-то беседуешь! Как тебе не стыдно, – сказал Синельников-старший без укора и добродушно, в усы, улыбнулся.

– Просто, папа, тебе женщины одного типа нравятся. Я ведь и на маму свою похожа.

– Эх, жалко что Алексея, жениха твоего нет. Хотелось бы мне и с ним пообщаться, – начал о наболевшем Пётр Алексеевич.

– Алексей сейчас в Лондоне, – сказала Марина для важности, – с родителями, на каком-то конгрессе.

– А вот о его родителях я как раз и хотел поговорить с тобой, помимо всего прочего.

– Папа, если ты хочешь опять осуждать кого-то за то, что они обеспечены и устроились в жизни лучше тебя и таких как ты, я тебя не стану слушать. Извини, в детстве наслушалась, – сказала Марина резковато, сверкнули её тёмные глазки, но не было в её словах злобы, как и не было обиды в реакции её отца, соскучившегося по своему единственному ребёнку.

– Марина, нет, ну что ты! Я хотел рассказать о том, что, как выяснилось, я был немного знаком с отцом твоего Алексея. И ты, дочка, не поверишь, но я, в какой-то мере, ему даже обязан. Как же я это всё на вашей свадьбе не вспомнил...

– Вот это интересно! Сюжет прямо как из модной книжки. Расскажи, папа, – сказала Марина, устраиваясь в креслице поудобнее.

– Когда я был на твоей, дочка, свадьбе у Биличей, глава их семейства показался мне знакомым. Но я не стал говорить об этом, боялся обознаться. Да и фамилия была мне знакома, но мало ли людей с такой фамилией? *Чем* занимается твой Алексей я тогда, к слову, ещё не знал, – начал сказывать Пётр Алексеевич. Логическое ударение поставил он в последнем предложении на слове «чем», и ясно было по этому акцентированию внимания, что дела Алексея Билича он явно не одобрял и взглядов его не разделял.

– Видишь ли, в девяностые годы была у меня работа на одном закрытом предприятии, и был там наш общий деловой партнёр. Его фамилия была Билич. Я его пару раз всего видел, поэтому и боялся обознаться. Я навёл справки. Твой Алексей – сын Билича, того самого, с которым мы работали. Мало мы лично общались, конечно... и если бы не были мы ему всем предприятием обязаны, я бы сказал, что человек он – крайне скользкий. Так про него все говорили.

Марина внимательно слушала отца, словно интересный сюжет искала.

– И чем вы занимались вместе? – спросила девушка.

– Прошло почти двадцать лет с тех пор, теперь можно говорить. Ты слышала что-нибудь о советском космическом корабле «Буран»?

– Это который в Парке Горького стоял, а теперь на ВДНХ?

– Да, он самый. И мне всякий раз больно было на него смотреть. В космос, кстати, другой экземпляр летал. Когда «Буран» полетел, я ещё в аспирантуре учился. Мы занимались венерианской тематикой. Планировалась ракета, которая должна была доставить спутник до Венеры. Я был приписан к отделению, которое занималось антеннами спутника. Это был хороший социальный эксперимент: многие части оборудования были спроектированы

с участием нас, аспирантов, и даже с привлечением особо одарённых студентов. К несчастью, спутник сгорел в верхних слоях атмосферы, до Венеры так и не долетев...

– Это случилось, потому что студенты над спутником работали?

– Марина, какая ты у меня острая на язычок-то. Не думал, что такой вырастешь. Вся в маму. Нет, дочка, это случилось, потому что случилось. Тогда вообще всё ломалось и много было страшных катастроф, один Чернобыль чего стоит...

– А Анатолий Билич тут причём? И «Буран»?

– Ну так слушай. «Буран», оказывается, был не единственным запланированным кораблём. Не понимаю, как при такой разрухе в стране могли столько всего строить и изобретать. Странно, но о тех проектах до сих пор молчат и не пишут – может потому, что до ума так ничего и не довели. «Буран» на букву «Б», а ещё был проект на «А» – «Апогей», для военных целей, и на «В» – «Венера». «Венера» была самым интересным проектом, самым многообещающим...

– И ты как раз над ней работал?

– Да, правильно догадалась. Меня перевели на работу над этим проектом сразу после того неудачного запуска... «Венера» должна была сочетать в себе черты обычного самолёта и космического корабля. Это должен был быть самый совершенный аппарат! Можно было бы и с континента на континент, для любой цели, через космос, по баллистической траектории слетать. А можно было бы и груз на орбиту закинуть. И никакая ракета не была нужна – на «Венеру» планировалось установить очень мощный двигатель, который позволил бы ей самой преодолевать земное притяжение. Правда, использовалось не самое чистое, ядерное топливо.

– То есть ракету бы хорошую сделали, но всю планету бы загадили, так?

– Да вовсе нет. Просчитали дозы. Вреда бы не было.

– А ты чем занимался конкретно?

– Я работал над антеннами.

– А Билич тут причём?

– Нашу программу с развалом советской власти не остановили. Работали мы и в девяностые, но финансировали нас скудно...

– Это когда я уже у тебя родилась?

– Да, уже после твоего рождения.

– Когда ты меня и маму оставил?

– Дочка, ну что ты опять? Не оставил, а по роду службы в другом закрытом городе без вас работать должен был.

– А мы тут без тебя...

– Мариша, не начинай, пожалуйста. Я тебя так редко вижу...

– Папа, прости. Ты же знаешь, я тоже скучала. Прости.

– Я не сержусь. Так вот, финансирование из бюджета нам сильно урезали... Но работу мы продолжали. Ты будешь удивлена, но нас спонсировал тогда Билич.

– Тот самый, Анатолий Аркадьевич?

– Да, он самый. Теперь я это подтвердил справками. Это было действительно странно. Непонятно было, что его, типичного, как тогда говорили «нового русского» может привлечь в космонавтике... наверное, рассчитывал тоже на какой-то барыш в итоге. Чего ещё от них ждать?

– В этом нет ничего предосудительного.

– Возможно.

– А что случилось с «Венерой»?

– Проект закрыли по распоряжению президента, наше отделение расформировали, в числе и другой сотни предприятий, занятых работой над проектом...

– А «Венера» насколько была готова?

– Ты не поверишь, но были проведены все необходимые возможные испытания, построено до десятка макетов, которые теперь все порезали уже на металлолом... И был готов первый космический корабль. «Венера»... Да. Всё почти было готово к полёту.

– Что случилось с тем кораблём?

– Он был доставлен в один из закрытых городов на территории бывшей Украины, где-то на востоке страны, где сейчас как раз неспокойно. Там должны были зарядить его ядерным топливом. Местные власти сообщили нам, что корабль пострадал при перевозке, а потом, что на него ещё и ангар упал, в котором он должен быть храниться... Запутано всё, Марина. В общем, дальнейшая судьба нашей «Венеры» неизвестна. Присвоили её себе, наверное, эти бывшие украинцы, не знаю, как их сейчас назвать-то, а что дальше с ней делать – не ведают...

Марине стало жутковато при мысли о той земле, где, возможно, сохранились останки детища сотен русских инженеров, в том числе и её отца. Мало ли всякой разной заброшенной техники осталось там, где теперь запущен часовой механизм гражданской войны? Сколько секретов советского наследия, помимо «красной ртути» и ракетного ядерного топлива могло оказаться в руках людей с самыми разными целями? Нехорошо становилось при мыслях об этом. Расслабленная Марина, довольная долгожданной встречей со своим отцом, гнала всякую дурную мысль и вообще старалась в тот вечер не думать решительно ни о чём...

Дочь поглядывала на отца с умилением. Таким, как в тот вечер, он и впрямь нравился Марине. Видела она в нём пресловутую «европейскость». Девушке свойственно было, хоть отец и учил её в детстве обратному, противопоставлять всё русское европейскому. Склад ума государственника и патриота, присущий Петру Алексеевичу, Марине открыто не нравился, и в минуты обострения естественного конфликта поколений она почитала отца своего едва ли не за «ватника» – вот новое ругательное словечко, взятое на вооружение либералами.

Не понимала ещё юная девушка, что всё русское суть европейское, не внушили ей, что Россия – часть Европы, притом особенно значимая часть...

...Марину снова очаровали манеры отца, ярко заметные на фоне типичных для бастарда манер её мужа. В рамках спокойной, умиротворяющей и даже немного романтической обстановки того вечера, девушке захотелось за вином говорить о чём-то изысканном и сложном – не менее чем о проблемах мироздания.

И действительно разговорились они о смысле жизни – типичная тема для кухонь, третья по популярности после политики и сплетен. Наверное, Маришка вывела колею разговора на эту тему своими очередными рассуждениями о том, как-де в этой стране жить плохо.

– Папа, папа, мне так страшно иногда бывает от того, что мы в таком ужасном мире живём, – сказала вдруг девушка.

– Не бойся. Да не ужасен весь этот мир, в котором мы живём. Вернее, вот ведь как. Ужас не в том, в чём мы его видим. Ужас в другом. Самая страшная катастрофа наших дней – у людей в умах и в душах. Современный человек не имеет цели и не готов к делу.

– Это философия, папа.

– Ну, не хочешь философии, давай к истории и к искусству перейдём. Вот, к примеру... Модны сейчас бывают мысли о том, что вот-вот новое средневековье наступит. Слышала о таком?

– Слышала, конечно. Популярный ныне сюжетец во всех, без исключения, видах искусства.

– А я вот считаю, что новое средневековье уже настало.

– Ты чего такое говоришь, папа? А как же глобализм?

– Глобализм это антиглобализм. Какая, к чёрту, разница? Зелёные экологи или технократы-промышленники? Оппозиционеры или государственники? Всё едино. Уже настали новые средние века...

– Мне кажется, отец, что ты переработал, перетрудился. Отдохнуть тебе надо, а то странные вещи говорить начал. И в чём же, по-твоему, новое средневековье заключается?

– В раздробленности.

– Какая же раздробленность, если государства союзы заключают, сотрудничают, контракты подписывают, военные блоки новые создают? Все цивилизованные страны, кроме России, конечно же.

– А фикция сейчас все эти государства с их границами. Дань историческим традициям и ничего больше. В основе всего – крупные фирмы, компании, промышленники. Они и тянут лямку всей политики сейчас. Они – новые феодалы. А люди, работающие по найму – новые вассалы, которым достаточно свобод дали, чтоб думали, что они тоже сеньоры.

– Да-с, папочка, странно ты мыслишь, но занятно, занятно...

– Что же тут странного? Знаешь вот почему средневековая раздробленность возникла?

– И почему же, по-твоему?

– Людей перестала связывать общая идея. Разобщённость на обывательском уровне перешла и на уровень государственный.

– А как же крестовые походы?

– Развлечение для феодальной элиты, численность которой меньше пяти процентов от всего населения.

– Пусть так. Но ты вот говоришь, что в средние века пропала идея, значит, когда-то же она была. Раньше, в античности, так выходит из твоих слов, что-то было объединяющее... Что же тогда было, какая идея?

– Классовая борьба.

– Ну ты загнул...

– Благородные боролись с рабами, эксплуатируя их, а рабы боролись с поработителями за свободы. На мой взгляд, это было взаимовыгодное состояние. Ну, или, по крайней мере, полезное для исторического процесса.

– А какая же идея была уже в наше время, но в последние дни исчезла?

– Всё та же. Классовая борьба.

– Поясни.

– Был многополярный мир, в котором противостояли крупные системы, каждая со своей идеологией. Самая крупная из них – это, естественно, капитализм. Ему был альтернативен мир социалистических, стремящихся к коммунизму, стран, и, в меньшей степени, – национал-социализм. Он тоже был противопоставлен капиталистической системе. И всем сторонам было выгодно это противостояние, поверь! Единство и борьба противоположностей!.. Речь идёт не только о гонке вооружений, благодаря которой развивался и совершенствовался весь мир, теперь немыслимый без технологий, пришедших в повседневность из военного дела. Общим для противоборствующих систем был принцип постоянной модернизации. Подвижное в подвижном! Борьба систем велась ради самой борьбы, и это приводило к тому, что общество в рамках этих систем постоянно менялось, модернизировалось.

– И что же случилось потом?

– Мир отказался от перманентной модернизации и стал феодально-раздробленным. Красную, социалистическую систему слили, сдали, она перестала существовать. Что это значит? Глобалистская капиталистическая система тоже рухнула. Тоже приказала долго жить.

– Почему же?

– Капиталистическая структура не может существовать без противопоставленной ей альтернативе.

– Что тогда осталось от мира?

– Мир остался прежним, но распался на феодальные княжества вокруг крупных корпораций, вовлечённых во всеобщий рынок... Посмотри на небоскрёбы фирм – они так похожи на донжоны крепостей прошлого!

– Это, по-твоему, плохо – всё то, что произошло?

– Крошка-Марина пришла к отцу и спросила кроха... – произнёс Пётр Алексеевич шутливым тоном.

– Папа! Я взрослая, мне уже двадцать пятый год пошёл, – поспешила обидеться Марна, – Скажи мне, то, о чём ты говорил, эта новая феодальная раздробленность, это плохо?

– Посмотрите на неё, какая взрослая и серьёзная девочка! Нет, не это плохо. Это – неизбежность. Это – данность. А вообще, пора уже отказываться от оценочных суждений, от этих бесконечных «хорошо» и «плохо» – всё это чисто субъективно и с толку сбивает... В своё время средневековая разобщённость была экономически целесообразна. Так и нынешний распад тоже. Децентрализованная система дешевле обходится, чем монолитная.

– Это мне понятно. Вот нестыковочка у тебя, папа, вырисовывается. Ты же сам всегда говорил, что времена нынче – безнравственные.

– Говорил. Так оно и есть.

– А средние века нравственно были чище античности. Я сужу об этом, сравнивая инквизицию и оргии, о другом я не читала, – сказала Марина, выдав своё полученное высшее образование по специальности «культуролог».

– Так и нынешний день этически чище, чем, скажем, сексуальная революция у них или лихие девяностые у нас. Дело в другом. «Хорошее» поведение современных граждан – не осмысленное принятие этических норм поведения и всяких там догматов, вроде религиозных. Современные люди «хорошо» себя ведут, становятся чистенькими и благостными, потому что так выгоднее, потому как так безопаснее.

– Не вижу разницы. Итог-то один, и не важно, каким путём пришёл человек к одним и тем же выводам.

– Разница большая. Человек, осмысленно принявший какие-то этические и моральные принципы как некое руководство к действию, останется им верен всегда. А человек-фари́сей, избравший внешне благопристойное поведение ради барыша, на любой закон может наплевать и через любой принцип может смело перешагнуть – как только у него появится денежный стимул.

– А можешь дополнить каким-нибудь примером из жизни для наглядности?

– Легко. К примеру, моногамность дешевле обходится, чем полигамность, чем разгул.

– Это что же это получается... Девки не бл... уют не оттого, что бл... овать плохо, а потому, что бл... овать невыгодно и опасно? А с одного, но постоянного партнёра для себя больше содрать можно в плане денег и всяких материальных ценностей? – спросила Марина. В кругах либералов научили её вставлять не к месту в речь крепкое словцо: характерна была такая дурная манера коверкать плавную русскую речь прежде всего для выкрестов, для которых русский язык чужой, и вообще, всё русское противно им и чуждо, а выкрестов среди либералов и в самом деле было много.

– Да, правильно поняла, – ответил Пётр Алексеевич, тактично не заметивший сорности речи своей дочери.

– А теперь мне нравится ход твоих мыслей! Только не подумай, что я так себя веду. Мой муж, моя свадьба – это мой осознанный выбор!

– Я и не сомневался, что ты не такая. Ты моя ведь дочка.

Они долго ещё беседовали. Марина затем ушла на балкон курить, при недавно бросившим отце застеснялась дымить. А когда она вернулась, Пётр Алексеевич был уже каким-то расстроено-задумчивым. Склонилась голова его, локти упёрлись в колени, согнулась на полу тень.

– Не понимаю я всё-таки, Марина... Одного не понимаю, – начал Синельников-старший.

– Чего не понимаешь, папа?

– Я ваше поколение не понимаю. Всё у вас есть, а вы всё равно не довольны, не цените того, что имеете. И настроения, и идеи ваши протестные – такие бесплодные, если разобратся. Какое-то просто, извини меня, бесплодие без невинности вырисовывается. Вот смотри... Даже если взять во внимание наш ужин. Какие хорошие продукты – разные, полезные. И достать легко – легче лёгкого! А когда я вот был в твоём возрасте, Марина, ничего такого не было.

– Опять началось... Папочка, нельзя так себя грузить! Было – не было... Какая разница? Ты к чему вообще клонишь?

– Да вот к чему. Вот чего я никак не могу понять. Вот вы, молодые, живёте в мире потрясающих возможностей, живёте в сытости, даже не в недостатке, а в переизбытке... И всего вам мало! Притом почти не работаете. И всё равно вам всего всегда мало! Протестовать ещё ходите... Не понимаю.

– Папа, а как же не протестовать? Коррупция, воровство, убийства...

– А вот кое-где сейчас женщин и стариков убивают, очень недалеко от Москвы, – и вы молчите. Загаженный, никому даром не сдавшийся Химкинский лес всем скопом защищали, рубашки на груди рвали... и чего? А теперь молчите.

– Всё спорно, папа. А как не протестовать? Это единственная возможность оставаться честным гражданином – уйти в оппозицию. Разве нет?

– Я не считаю так.

– Папа, ведь и в твоё время молодёжь, я думаю, боролась и на площади выходила. Только вот ты – дома сидел.

– Ну митинговали они, и что? Ну диссидентишки по кухонькам своим прокуренным сидели и до потери пульса спорили, как нам Россию обустроить... И чего с того? Только к шмотью, к фенечкам импортным все они стремились на самом-то деле. Всё развалилось бы и без их помощи. Они только всё окончательно испортили, весь их спор – на крови...

Пётр Алексеевич сделал паузу, выдохнул и задумался, оценивая сказанное, не загнул ли он лишнего.

– И да, дочка, я дома не сидел. Я строил. Я много работал.

– И чего построил?

– Уф, давай сменим тему разговора...

Надрыв этого диалога не испортил вечера, а наоборот, придал ему некую пикантность. Снова, под последние два бокала, оживлённо разговорились отец и дочь, часто смеялись, подшучивали и глядели друг на друга с умилением и восторгом, позабыв свои идеологические разногласия. Пётр Алексеевич, допив вино, обнял Марину и заторопился уходить: его ждало такси, и жена, Софья Андреевна, давно его ждала. Спокойно им всем было в тот вечер, хоть и грозила наступившая ночь поутру перерасти в кроваво-алую зарю...

Марина вдруг поняла, что стоит в холле аэропорта практически без движения около получаса. Видимо разговор с майором ввёл её в ступор. Не зная, что ей дальше делать, девушка отправилась в аэропортовое кафе.

Покуда Марина шла к кафе, ей наперерез подошёл странноватого вида пожилой человек, одетый почти как монах, с массивным крестом, разве что без пудовых вериг, выдающих

схимника прошлых эпох. Человек остановил Марину, мотнул головой, отчего затрепетали его седые неухоженные патлы, и воздел жестом боярыни Морозовой два сухих узловатых пальца к небу.

– Девушка, остановитесь, послушайте, ибо во блюде своём пути не ведаете, – обратился к Марине старик.

– Мужчина, что вам надо от меня?

– Знаете ли вы, что сказано в книге откровений Иоанна Богослова? О кончине века и об апокалипсисе, суде праведном божьем?

– Не знаю, не читала, не суеверна.

– Звезда по имени «Полынь» падёт с небес и от лучей её все воды станут горькими и отравленными. А Чернобыль по-украински «полынный город» означает. Упала звезда Чернобыля в Дніпро, яд в Киев приплыв, в людях отложился и они сейчас войну затянули, когда яд в них поднялся, потому что срок пришлов, потому что конец века настает...

Марина сразу приметил в старике городского сумасшедшего и знала наперёд, как себя вести. Она сказала:

– Вам что, денег надо?

– Да. Во славу Божью...

– Полтинника хватит?

– Спасибо, премного благодарен буду, вам по суду справедливому зачтётся.

Старик, получив синенькую бумажку, враз испарился, как будто его и не бывало.

Марина вспоминала свою последнюю по времени встречу с мужем Алексеем. Это было с неделю спустя её крайней встречи с отцом.

Марина числилась в каком-то рекламном агентстве копирайтером, по-русски и не назовёшь эту профессию, потому как и не профессия это вовсе. Своё свободное время девушка тратила на хобби: фитнес и благотворительность в пользу детских хосписов. Всю текущую неделю, впрочем, Марина сидела дома без дела. Выступавшая в кружках несогласной с официальной позицией государства молодёжи, совершенствовала ли она свои знания в области истории, социологии, политологии ради своей идеологической борьбы? Нет. Проще говоря, думала ли она о России? Нет. Не патриотка же она, не из стана красно-коричневых, это они постоянно о судьбах родины думают и ничем иным заняты никогда не бывают. Всю неделю сидела Марина дома, разве что ходила в спортивный клуб оттачивать фигурку, и дома пребывала, почитывая модные книжки, по психологии и промышленному дизайну. Вот и вся за неделю занятость молодой девушки, которая могла бы, в самом деле, совершить многое.

Марина встала рано по её меркам: в одиннадцать. Забот предстояло много. В первую очередь Марина забрала из химчистки одежду мужа к его предстоящей поездке в Киев и оправилась в спорт-клуб модным фитнесом заняться. Уставшая и размякшая, вернулась она домой лишь в пять, прилегла на любимый белый кожаный диван на кухне почитать книжку о нейро-лингвистическом программировании. День почти состоялся. В половину восьмого позвонил в дверь её муж. Позвонил и, открыв своим ключом, вошёл. Молодые люди поприветствовали друг друга, но Марина, увлечённая чтением, не вышла встречать мужа, и сразу же обратилась к своему суженному с критикой:

– Не наступай на порожек, сколько раз я тебе говорила.

Алексей Анатольевич, развязывающий сложный узел пушистого шарфа, поглядел на супругу недовольно. Он был нагружен двумя пластиковыми авоськами с всяческими гастрономическими прелестями. Сумки Алексей поставил на пол так резко, что почти уронил.

– Не кидай сумку на пол, у тебя там стекло, кафель можешь побить! – снова осудила его Марина.

– Ну что ж ты сразу так строго со мной! – ответил ей Алексей без обиды.

Марина была в сером спортивном костюме. Штанишки с двумя белыми лампасами вдоль по шву обтягивали фигурно и рельефно её бёдра. Диссонансно на фоне спортивного костюма смотрелись серьёзного фасона пластиковые очки для близкого чтения. Марина оставила очки на белой коже дивана, туго натянутой, что её спортивные штаны, и пошла мужа встречать. Они обнялись; Алёша заметил, что благоверная его без лифчика.

– Ну что ты, родной. Вовсе я не сержусь, – сказала девушка, обнимаясь.

Алексей был рослым человеком, черноволосым стрижку носил короткую, бобриком. Он был несколько худоват, но гантели это исправили. Черты лица у него были крупные, чёткие; светлые глаза были чуть больше стандарта. И, в общем, мог бы Билич считаться красивым человеком, если бы не напряжённые, агрессивные скулы, вечно бьющиеся желваки и суровый, узкий рот и крупноватый, с крючком, нос. Смешенье самых разных кровей чувствовалось в его портрете.

Молодые люди прошли на кухню; Алексей разбирал сумки, сразу сервируя закуски на стол, и параллельно готовил салат. Марине было лень что-либо делать по дому. Она устала. Марина спросила:

– Милый, а чего ты так долго?

– Очередь длиннющая была в супермаркете. Длинная не оттого, что дефицит, как раньше, а потому что все много чего берут, даже то, что им не надо. Старуха одна, набрала себе всего-всего, а денег не хватает. Никак решить не могла, что всё-таки возьмёт, а что на кассе оставит. И из-за этой недалёкой старухи очередь минут на пятнадцать застряла!

– Не сердись так на старуху. Ей тоже жить и кушать хочется.

– Поздновато ей жить уже! Пожила своё – молодым не мешай... в супермаркете отовариваться. Ух, бичи все эти пенсионеры, прореха на человечестве! – говорил Алексей. Слова его так разительно отличались от всего того, что говорилось им публично о социальной политике на всяких околополитических сборищах.

– Алёша, нельзя так!

– Что их, стариков, жалеть? Они совки! Пока жив последний старпёр, и совок проклятый жив вместе с ним!

– Алёша, нехорошо так говорить! Раз вот тебе так эти пенсионеры так не угодили, чего ж ты в магазин напротив, который элитный, куда они носа не суют, не пошёл?

– Так ведь там дорого.

– Можно подумать, у тебя денег нет.

– Точно уж больше, чем у совков проклятых. Но экономика должна быть экономной.

– Алексей, куда ж ты столько всего накупил?

– А тобі шо, жалко? – сказал Алексей, паясничая.

– А чего это ты на суржик перешёл? К поездке уже готовишься? – резко спросила Марина.

– А як же, – ответил Алексей шутливо.

– Ну всё же, Лёша, зачем нам столько еды? Ты улетишь завтра, а я одна всё не съем. Я на диете...

– На диете она, вы только посмотрите на неё!

– Лёша!

– В самом деле... Взял много, потому что еды вообще должно быть много. Потому что жить надо сытно. Хорошо жить. Сытно жить!

– Испортятся ведь продукты...

– Старичью или каким-либо бичам, вон, тем алкашам из сто третьей, как их ещё не выселили, например, отдашь.

Алексей Анатольевич заканчивал сервировать закуски. Разложил в узорчатом хрустальном подносе оливы, красную рыбу, кружочки колбасы и ломтики балыка. Итальянский багет с потрескавшейся коркой выложил, наломав на ломти, в особую корзиночку. Переложил из прозрачной салатницы грубо нарезанный им в срочном порядке салат а-la греческий. Алексей взял пальцами розовый кусок балыка и отправил себе в рот. Продолжая пережёвывать, Билич заговорил:

– Только не достойны вот все они кушать с нашего стола!

Марина недовольно цыкнула. Алексей не придавал этому значения.

– Ой, к слову, балычок-то какой хороший! – сказал нараспев Алексей, взял двумя пальцами ещё кусок и подошёл к жене в рот его заталкивать. Марина сначала воспротивилась кормлению с рук, скорчила недовольную гримасу, но потом сама вцепилась своими острыми зубками в балык.

– И правда хорош! – сказала Марина, тщательно пережевывая. Тёплым взглядом поглядела она на Алексея. Тот тем временем вытащил из шкафчика над раковиной два стакана, а из целлофановой сумки – литр колы и квадратную бутылку виски.

– Ну-с, Мариночка, по одной для аперитива, покурим затем, и поедим?

– Нет, Алёша... – сказала Марина задумчиво и томно.

– Марина, почему?

Вместо ответа подошла девушка к молодому человеку и приобняла его ласково за шею, прочувствовав пальцами короткие волоски на затылке.

– Алёша, ты мне нужен сейчас... чистеньким...

С каким-то особым расчётом, тайно скрываемым за неожиданным приливом ласки, как только умные женщины умеют, Марина спросила:

– Алёша, ты ведь сегодня не курил, не пил, как я просила?

– Да, Марина. Как ты просила.

– Алёша, ты мне нужен сейчас... чистеньким... – повторилась Марина и прильнула к супругу. Алёша был несколько удивлён этой лаской.

– Хороший мой, пошли в спальню, – сказала женщина, и, что выдумаете, конечно они сразу пошли, мужчина почти всегда бывает безволен, когда любимая женщина соблазняет. Мужское дело нехитрое; куда дошли они до соседней комнаты, Алексей Анатольевич был уже заведён и, что называется, готов. Марина приглушила свет. Руки супруга охватили её то ли грубовато, то ли просто страстно. Марина сняла верх спортивного костюма, Алексей видел теперь её напряжённые, особенно в предплечьях, мышцы рук, сильно выступавшие ключицы, по-девичьи тугие, с тёмными сосками, груди и напряжённый, с аккуратным маленьким пупком, живот с почти незаметными следами от оперативного вмешательства. Очередь раздеваться теперь была за Алексеем. С трудом отступив от жены, он снял белую свою сорочку, приспустил брюки и занял своё законное, подле супруги, место. Марина скинула остатки одежды и помогла мужу устроиться над ней поудобнее.

После того, как в двенадцатом году Алексей Анатольевич переболел дурной болезнью, сделавшей его, по всей вероятности, бесплодным, Марина долгое время, почти полгода, отказывалась ложиться с ним по соображениям безопасности и с целью сохранения своей чистоты. Потом всё же сдалась, но долго принуждала мужа пользоваться средствами контрацепции барьерного типа. Тогда они не были ещё официально расписаны. Несмотря на почти стопроцентное бесплодие Алексея, Марина всё же, то ли из жалости, то ли уповая на безграничные возможности частной элитной медицины, не оставила его. После свадьбы контрацептивными средствами молодые люди не пользовались. Время носительства заболевания давно прошли, Алексей теперь был незаразен; и хотя он знал, что потомства, скорее всего, не оставит, всё равно бывал в ответственный момент в виду отсутствия противозачаточных средства осторожен: животу и даже лицу Марины всякий раз доставалось

больше семени, чем тому органу, для которого оно предназначено. С женским терпением относилась девушка ко всем просьбам мужа, даже научилась и сама иногда получать кое-какое удовольствие.

Но не об удовольствии думала в тот раз Марина. Она была особенно податлива и упруга, следила за каждым движением Алексея, крепко прижимала его к себе с таким расчетом, чтобы Алексею, прежде всего, приятно и удобно было. Оглаживала его, целовала, заманивала глубже и глубже. Алексей, заведённый, двигался заикливо, грубо, однообразно – не ожидал он, вестимо, выпавшего на его долю счастья, не успел подготовиться, просчитать ходы, движенья, позы. Долго он действовать не мог, так Марина его в тот раз затягивала очень уж сильно. Чувствуя, что он будто бы намагничивается всё сильнее и сильнее, вдруг заговорил молчаливо сопевший до того Алексей:

– Марина, Марина, девочка моя, я сейчас, сейчас...

Алексей наполовину выскользнул из супруги, перестал обнимать девушку и мять её грудь, потянулся рукой вдоль своего живота ниже.

– Мариночка, дай личико, – сказал Алексей.

– Нет, Алёша, нет. Алёша, хороший мой, – ответила ему Марина ласково, чтобы не спугнуть страсть. Не чувствовала девушка удовольствия, не желала она ярких ощущений, лишь тонкий расчёт руководил ею: хотелось Марине, чтоб муж, уезжающий через день на территорию войны, оставил в ней своё семя. Искренне верила девушка, что – авось! – получится в этот раз забеременеть.

– Алёша, сюда, Алёша! – руководила им Марина, снова направила движения мужа вглубь своего лона, притягивала его за бёдра, почти что до крови впиваясь коготками. Алексей захрипел что-то неразборчивое, скорее не ввиду искренней страсти, а ради антуража, и окончательно повалился на супругу. Марина почувствовала в себе что-то тёплое, вязкое – наконец-то чувствовала это, впервые в жизни: раньше такого своим мужчинам она не позволяла. Алёша отлип от неё, даже не поцеловав свою женщину в благодарность, по-плебейски принялся вытирать некие части своего тела прямо о простынку.

Алексей встал, собираясь одеться. Спросил Марину, заглядывая под кровать:

– Мариночка, а где мои домашние шорты и футболка? Не видела?

Марина, как всё же какая никакая, но хозяйка, знала, конечно же, где вещи мужа лежат, но ей богу, не этих слов ждала она после близости! Ведь, кто знает, какая значимость была у того момента. Кто знает, быть может, это был важный день – день зачатия и Алексева и Марининога потомка... Девушка старательно готовилась к этому дню, соблюдала особые, в дамском журнале вычитанные, диеты, способствующие зачатию, воздерживалась от курения и спиртного, хоть и нечего ей дома делать было, а безделье всегда дури разного рода способствует. И мужа своего готовила ненавязчиво к этому дню. Но он, видимо, не догадывался ни о чём...

– Ну что, Марина... Тебе всё понравилось? – спросил Билич ущипнув свою супругу за пятую точку.

– Всё.

– Ну, пойдём теперь покурим и выпьем, а там и поужинаем.

Возвращаясь на кухню к трапезе через коридор, по-прежнему полуголый Алексей на долю минуты задержался перед зеркалом, с удовольствием разглядывая отражение своей фигуры. Сам себе Алексей Анатольевич Билич очень нравился. Это было заметно в каждом его жесте.

Марина подумала о своём вероятном будущем ребёнке. Подумала о ужасах пьяного русского зачатия... Потому и воздерживалась она долго перед тем, как лечь с мужем – читалась всяких разных статей, и уверовала после них, что простые русские люди из низких классов, окружавшие её повседневно в транспорте, на улицах и в магазинах, такие омерзи-

тельные, вульгарные и уродливые, потому как зачаты были либо в опьянении родителей, либо впоследствии насилия, что ещё хуже.

Молодые люди выпили на брудершафт; Марина полагала, что после зачатия ещё можно в первый день немножечко, что называется, на грудь принять. Они поужинали и сидели на диване, полуобнявшись. Марине чего-то вдруг взгрустнулось. Ей не хотелось, чтобы муж уезжал.

– Алёша, не уезжай, – сказала Марина.

– Мариночка, я не могу уже не уехать. Я обещал.

– Неужели тебе так хочется помочь той стране?

– Мне хочется проявить себя.

– Сколько тебе заплатили за поездку?

– Пока только аванс. Остальное дадут, когда я из Киева вернусь. Я не хочу тебя пугать масштабом суммы...

– Опять заигрываешься.

– Пускай заигрываюсь, я всё же имя себе делаю.

– Алёша, ну чего ты добиваешься?

– Как чего...

– Чего ты вечно добиваешься?

– Мой отец прошёл путь от фарцовщика, торгующего ворованными шмотками, до президента компании, а я пройду путь от сына лимитчиков до президента страны! – Алексей Анатольевич проговорил это с особенной экспрессией, Марина невольно поёжилась и мужа своего обнимать прекратила: неприятно ей стало отчего-то чувствовать все эмоции Алексея.

Марине не нашлось, чего ответить. Впоследствии общались они лишь о чём-то отвлечённом; девушка даже не пыталась проникнуть в мотивацию поступков её мужа. Молодые люди прогулялись недолго, выкидывая мусор. Алексей, видимо почуяв заглянувшую в окно низкую звезду Венеру, снова предпринял попытку пристроиться к супруге, последний раз перед отлётом в Киев, но Марина обеспокоилась, что занятие любовью повредит её возможному будущему ребёнку, и посему, сославшись на усталость, помогала справиться мужу с одолевавшими его страстями своим губками и смуглым кулачком, а Алексей и тем был доволен...

Алексей улетел; а Марина осталась в ожидании того, что запасённый заранее тест на беременность покажет положительный результат. Но нет. Пресловутый лунный цикл вернулся на круги своя. Зачать не получилось. Судьбе было угодно, чтобы Марина так и осталась неопылённым цветочком, смоковницей бесплодной...

Марина заняла в аэропортовом кафе самое тихое и спокойное местечко. Долго читала меню, почему-то в растерянности не понимая, что там написано. Строки будто бы слипались перед глазами. Девушка не знала, что себе заказать.

В углу помещения кафе висел большой телевизор. Передавали новости. Марина подивилась тому, что телевизор работает, ведь Михаил Романович Сапин предупредил её, что связи с Москвой нет. Надежда на то, что связь со столицей всё же сохранилась, осталась в душе Марины. Но тщетно. Она поглядела на часы в углу экрана телевизора: выпуск новостей выходил с трёхчасовым опозданием. Показывали всю ту же девушку, прижимавшую к груди котёнка, бегущую от артобстрела по раскалённому мосту. Марина от отчаянья заплакала. Ей, и в самом деле, было непросто. Она не знала, что с её мужем случилось и увидятся ли они хоть когда-либо. Думаете, просто ей было заплакать? Нет. Общество, в котором она существовала, не позволяла проявление честных эмоций: перманентное стремление к успеху и наживе не оставляло в характерах людей места искренности. Думаете, Марина жалела девочку с котёнком из новостей и других жертв войны? Нет. Марина заплакала, так

как впервые в сознательной жизни почувствовала неопределённость и неуверенность в собственном благосостоянии...

Марина вытирала слёзы. Официант, которого она попросила принести бокал домашнего вина, ничего не сказал по поводу того, что она плакала, просто выполнил заказ. Привык, наверное, что в его заведении, теперь уже, можно и так сказать, прифронтовом заведении, чаще плачут, нежели чем смеются.

Как издёвка висела на стене картина с видами центральных площадей Киева.

– Девушка, добрый вечер. Можно вам присоединиться? – спросил Марину незнакомец. Девушка немного испугалась: не заметила она, как этот молодой человек подошёл. Будто бы из под земли, словно *deux ex machina*, явился тот. Незнакомец был в пальто поверх водолазки, в полутёмных очках, немного небритый, худой и долговязый, пружинистый в жестах. Он походил на типичного неврастеника, но в то же время голос был его абсолютно спокоен, а мимика была расслаблено-доброжелательной.

Марина сдавленно кивнула, и лишь потом подумала, что этот её ответ, возможно, начало пути в никуда. Но что-то непонятное, может быть, подсознательное безразличие ко всему происходящему ввиду отчаянья, успокаивало её с одной стороны, а с другой – располагало к неизвестному собеседнику.

Незнакомец присел рядом с Мариной, одновременно заказав официанту принести то же, что и девушке.

– Девушка, что ж вы плачете! У вас такой маникюр красивый, а вы плачете.

Марина усмехнулась и невольно поглядела на свои вишнёвого цвета ногти. Последняя слеза упала со звоном в бокал как последний сбитый в войну самолёт. Молодые люди представились друг другу, но Марина что-то не запомнила, как незнакомца звали: и имя своё он назвал нечётко, и в голове у девушки гудело после того, как она плакала.

– Вы извините меня, пожалуйста, мне нужно привести себя в порядок, – сказала Марина незнакомцу, – Вы посмотрите пока что за моими вещами, ладно?

– Пожалуйста, пожалуйста.

Девушка ушла в уборную. Не подумала она, что незнакомец и сумки похитить может, или, что ещё хуже, чего-нибудь Марине в бокал подсыпать. Марина поправила макияж. В действиях её была какая-то сплошная безрассудность – словно в олицетворение пренебрежения к действительности, которое так свойственно для её поколения...

В кабинке уборной была раковина и зеркальце. Вымыв руки, она решила поискать сушилку. Сушилки не было; висели лишь свёрнутые в рулон одноразовые полотенчики. Марина отмотала, вытерла за смуглым пальчиком смуглый пальчик; салфетка была особенно плотной, Марина не рассчитала силы, и, вытирая безымянный палец, смахнула серебряное обручальное кольцо. Колечко звякнуло, ухнуло и почти что с гулом, так девушке показалось, пропало в белых недрах унитаза.

И сказать-то тут особенно нечего. Что-то зеркальце разбилось! Одно слово – дурной знак, хуже некуда...

Плакать Марина второй раз не решилась – зря что ли красилась по новой? Вестимо, решила про себя девушка, что будь что будет, а там – и трава не расти, одна ведь живём! Вернулась спустя полминуты раздумий об утрате колечка к незнакомцу за столиком.

Марина сняла пальтишко, повесив его на спинку кресла. Незнакомый молодой человек, хоть и плохо было видно его глаза за полутёмными очками, оглядел всю Марину, покуда она пальто снимала, с ног до головы, тщательно оценивая её упругое тело, плотоядно вглядываясь в каждый изгиб.

– Ещё бокальчик? – спросила Марина, сама себе подивившись.

– Вы заказывайте, а я, пожалуй, пас. Я на машине. За рулём.

– Ладно, я тогда ещё закажу, вы же не будете против?

– Конечно не буду! И да... Я вас угощаю.

– Не стоит. Я замужем, – сказала Марина и мысль об утерянном кольце больно кольнула её...

Молодые люди заказали пасту. Средиземноморская кухня, как и обещал майор Михаил Романович, была в аэропортовом кафе хороша. Марина ела, некрасиво пережёвывая на один бок, будто бы уже захмелев, а незнакомец ел хоть и быстро, но очень аккуратно, так, что и незаметно было со стороны, что он ест. Молодые люди заметно разговорились. Марине стало даже немного весело, и не только от вина, и не только от того, что незнакомец балагурил и комплименты отвешивал весьма удачно. Вдруг девушке показалось, что непостижимым образом этот молодой человек ей почему-то знаком и даже, возможно, близок, будто бы она уже знала его когда-то, да он изменился... Что-то непонятное почувствовала она в себе самой. Закружилась у девушки голова, но не могла ведь она закружиться так сильно с двух бокалов вина. Марину ломало и крутило теперь, она и сама не понимала, что с ней происходит, но чувство это не было ей неприятно. Заметно сократились в размере её реплики в диалоге с незнакомцем.

– Поехали ко мне, – неожиданно сказал тот, своим вкрадчивым и немного хриплым голосом. Марина посмеялась даже, стала отшучиваться, прежде чем резко сказать «нет». Но незнакомец всё накатывал и накатывал, балагурил и кокетничал, а Марина уже даже не обращала внимание на руку незнакомца, поглаживающую её плечо. И, чёрт возьми, нравились девушке эти прикосновения! Странные, непонятные ощущения сильного, но приятного опьянения одолевали её. Марина в конечном итоге согласилась ехать. Рейс, что так ждала девушка, по утверждениям незнакомца должен был прилететь не раньше, чем завтра утром.

Незнакомец вывел немного пошатывающуюся Марину из здания аэропорта, поддерживая под руку. На парковке стояла его большая чёрная машина. Марина нервно закурила. Незнакомец ждал, пока сигарета дотлеет. Созвездия странных очертаний повисли на небе. Пролетело соединение боевых самолётов. Марина докурила и безжалостно растёрла окурки об асфальт. Дверца машины захлопнулась звонко, и авто тронулось в неизвестном направлении. У горизонта белела Венера...

Марина Синельникова и Алексей Билич поженились в феврале тринадцатого года. Марина осталась при своей фамилии: на том настоял её отец, считавший брак неравным, и справедливо считавшим так – Мариноно происхождение было чище. Свадьба прошла тихо и спокойно, можно даже сказать, что и по-домашнему, на биличевской даче, хоть и настаивали и Алексей и отец его Анатолий на диком кутеже с сотней приглашённых лиц. Пётр Синельников держался поначалу строго, глядя с опаской на нуворишей, на противный ему класс, в семью которых выдал свою единственную дочь... но потом и он присмирел: понял, что и Биличи такие же русские люди, как и Синельниковы, хоть и намешено в них и нерусской крови, хоть и социальное происхождение у них такое дурное, что ни за какими деньгами не спрячешь.

Первая брачная ночь для Марины и Алексея тихо прошла, не было для них в том ничего нового, всё они уже заранее успели попробовать.

В их брачную ночь странные события разворачивались на другом конце страны, в Челябинске. Город спал, выморозившись. Было тихо. Но выли отчаянно собаки. Псы сбивались в стаи. Косматые, замерзшие, еле пережившие зиму, поднимали они свои острые мордочки к звёздам на горизонте, самой низкой из которых была белая звезда Венера. Собаки подвывали и лаяли. Иные, в упадке сил, лишь отчаянно скулили. Когда, очевидно, собрались все городские бездомные псы, началась странная процессия. Собаки покидали город, оставляя на неметеном пока, свежем снегу свои следы разных размеров. Вслед за псами, аккуратно

переступая длинными упругими лапами, вытягивая озябшие гибкие тела, потянулись кошки всех мастей и размеров. Мелкими перебежками, почти не оставляя следов на снегу, передвигались крысы. Домашние животные, у которых не было возможности к побегу, пробудились ото сна. Своими отчаянным рывками пугали они разбуженных шумом хозяев.

Животные покинули город. Казалось, что и медведи в глухих лесах вокруг Челябинска вышли из спячки и теперь, в страшном зверином испуге, не знали, что им делать. Надвигалось что-то нехорошее, нутро выворачивающее...

Наутро одна старушка пошла по своей привычке к ларьку возле её дома, прихватив с собой кусочки чёрствого чёрного хлеба и огрызок дешёвой ливерной колбасы в целлофановом кулёчке. У ларька старушку обычно поджидал большой рыжий и добрый косматый пёс по кличке Барбосик. Старушка собаку очень любила, и всегда подкармливала. Пёс всегда был рад старухе и даже пару раз отпугивал от неё хулиганов, которые пытались толи пенсию отнять, толи просто обидеть почём зря злым словом старую, сирую и хроую. Но в то утро Барбосика не было. Не появлялся он, как бы старуха не подзывала его. Не было видно и других животных.

– Что ж это делается, куда моего Барбосика дели! – рассуждала старуха вслух. Большого пса приютить дома она не могла: не сдюжила бы, да и её супруг, полглухой и полуслепой дед, не оценил был. Так вот и жил Барбосик на улице.

Ангелы, херувимы и серафимы, размахивая своими слюдяными крыльями, часто пролетали над Россией, но граждане перестали слышать тихую ангельскую песню и замечать их сигналы. Граждане заняты были мелкой вознёй, брюзжанием и перманентным каждодневным паскудством. Не было им до ангелов дела. И вот тогда на горизонте появилось для них специальное указание, что идут они не туда, которое было погромче ангельской песни: летел к ним метеорит! Страшный, огромный, падал он, тая в атмосфере, оставляя тучный дымчатый след в небе. И от одной ударной волны крошились в мелкую крошку стёкла, срывались крыши домов, сходили с рельс вагоны, переворачивались машины, срывались рекламные щиты. Метеорит пронёсся в небе над Россией...

Старуху смело волной. Она упала в снег. Долго нелепо барахтаясь в снегу, старуха, оглушённая, испуганная, пыталась подняться, но всё никак не могла. Видимо, ангел, следивший за полётом метеорита, помог ей встать... Поднявшись, продолжая не понимать, что происходит, старушка продолжала звать пса-бродягу, как последнюю на земле надежду: Барбосик, Барбосик, Барбосик! Но пса всё не было.

Смиловались высшие силы, никто не погиб, только в назиданье людям многое было разрушено тем страшным метеоритом. Старушка весь день обзванивала своих знакомых, справляясь, не пострадал ли кто из её знакомых, но те, позабывшие старуху, лишь удивлялись про себя, что она ещё числится в грешном ряду живых.

На следующее утро старуха снова вышла на улицу. В её кулёчке была теперь не ливерная, а «Докторская», подороже, колбаса: хотела она задобрить пёсика, лишь бы тот вернулся. Вот и действительно нарисовался из-за ларька Барбосик, и, весело размахивая хвостом, побежал старухе наперез. Старуха радовалась:

– Барбосик, хороший мой, я тебе колбаски принесла. Смиловался господь-то над нами, грешными: никто не погиб вчера, а как страшно-то было. Слава те, господи. Смиловался господь надо мною, старухою, вернулся ты ко мне, пёсик мой, Барбосик...

Марина расположилась на переднем сидении авто незнакомца. Тот сосредоточенно рулил. Машина неслась на большой скорости. Стемнело, и мало что можно было различить через окна, даже когда они проезжали центр Ростова. В редких всполохах фонарей появлялись неметеные заснеженные тротуары и редкие люди, в зипунах и шапках, непременно с тяжёлыми, едой нагруженными, авоськами. Горели окна квартир, и за каждым окном под-

разумевался прогретый уют и семейный быт. Люди пили чай за десертом, и семейную идиллию их нарушал лишь беспокойный вплоть до испуга свежий выпуск новостей. Какое-то время, как заправский лихач, объезжал незнакомец по трамвайным путям ненужный ему светофор. Трясло в тот момент машину и подбрасывало, а Марина, отчего-то ослабевшая, как безропотная кукла подпрыгивала на своём сидении и раскачивалась из стороны в сторону вместе с каждым рывком и движением машины. Потом всё стихло; был мост, а под мостом – река. Плавали в ней, не думая тонуть, огни, а воду у берегов уже стянуло тонким ледком. Ехали дальше дачами и обмороженными пустыми полями.

Кем он был, тот незнакомец? Маньяком, насильником? Другом, спасителем? Прекрасным незнакомцем или старым приятелем, вдруг изменившим внешность? Человеком из лубянских? Человеком из вашингтоновских? Засланным казачком? Неизвестно...

Марина не понимала, где она сейчас находится, и не отдавала себе отчёта в том, что же происходит; но мозг её, видимо и в самом деле чем-то одурманенный, отгонял всякую беспокойную мысль. Марине не было страшно. Она была в каком-то приятном недомогании – почти не чувствовала ног и онемел отчего-то затылок, а по всему телу её разливалась какая-то особая, бархатистая волна, и это чувство истомы и онемения не было девушке противно.

– Долго... долго ещё? – спросила Марина, даже не испугавшись того, что ей очень сложно было проговорить эту простую фразу.

– Ничего, ничего, потерпи, Марина, – ответил незнакомец. Марина окончательно погрузилась в полудрёму и даже не замечала, как порою рука незнакомца, сорвавшись будто бы невзначай с рычага переключения передач, падала на долю секунды на её коленку. Машина ехала себе и ехала, увозя Марину в неизвестном направлении всё дальше,...

...Ничто не оставалось прежним. Даже солнце перестало светить из-за людской алчности и жадности. Людям солнечный свет заменили отблески злата, над которым они, скаредные, день за днём чахнут. В один из дней один из богачей возвращался домой, и увидел что дети его, хотя у них есть самые дорогие и прекрасные в мире игрушки, играют с чем-то маленькими, жёлтым, горячим и липким. Он не знал, что это такое; он спросил у детей, но и дети не знали. А я знаю: то маленькое, жёлтое, горячее и липкое – это солнце, которое из-за людской алчности и жадности скукожилось и на Землю упало.

Ничто не оставалось прежним; казалось, что и созвездия небес переменили свои очертания. Горела в нижней точке горизонта звезда Венера, но свет её теперь пробуждал в людях стремление к какой-то не такой, какой-то иной любви. Солнце и то закатилось в тот раз не на западе, а на востоке. С годами люди привыкли, что на западе всегда закат. Но нет. В тот раз закат скатился тихо на востоке.

2. ОРДИНАРНАЯ МОЛОДЁЖЬ

В конце нулевых.

В девятом году Марине было девятнадцать. Она носила тогда длинные волосы, короткая причёска по моде четырнадцатого года не была ей ещё знакома. В протестных акциях Марина пока что не участвовала. Ко всему прочему, она была ещё и девственницей. Последнее обстоятельство девушку быстро тяготило.

Засиделась Марина в девочках – по мнению окружавшего её общества...

Был конец весны. Экзамены за первый курс обучения на культуролога были сданы. Стояла жара. Тесно было девичьей груди под маечкой. Тяжко становилось дышать. Хотелось любви. Одиночество пугало.

А кругом все улыбались! А вокруг все ходили парами, взявшись за руки. А подруги! Постоянно говорили о сокровенном: эвфемизмами, намёками, полушёпотом. И Марине тоже хотелось быть как все! Обсуждать! Хотелось, чтобы было чем с подругами поделиться, посплетничать. Хотелось стать счастливой, стать успешной. Одиночество пугало.

Была, конечно, у Марины своя «дружеская зона» (так тогда было принято у молодёжи изъясняться), и два прописанных в ней молодых человека. Но одного было жалко, он был в очках и от него дурно пахло, он был чертовски неухоженным занудой, так что Маришка лишь принимала от него посильную помощь в учёбе, а в благодарность за это даже позволяла редкие совместные прогулки, во время которых милая девушка всё время мечтала о прищепке на нос. А о другом, о Вите Шепилове, дурная молва шла от сокурсниц – говорят, гуляющий он был, девушек оставлял у разбитого корытца. Ну и что, что гуляющий? Зато родители обещали ему к третьему курсу свою машину, а под рукавами рубашки гуляли заметно при движениях рук бицепсы.

Загулялся, вестимо, Витя из параллельной студенческой группы так сильно, что девицы-сокурсницы с ним не общались более. Но Маришку это не пугало, напротив, это даже помогло ей сблизиться с ним. Стали молодые люди похаживать по душевой и знойной, бензином и радиацией пропитанной Москве. А когда дозволенное время прогулок заканчивалось, возникала неловкость: надо что-то сделать на прощание, обняться или поцеловаться. Но Марина не решалась, а Витя, кто знает, быть может, что и просто устал от женского внимания.

Как-то притащил с собой на прогулку Витя корявую розу-мутанта, знать мать её роза с каким-нибудь тюльпаном согрешила. Как бы ни был цветок ужасен, щёлкнуло что-то в Маришкином мозгу: парень оказал знак внимания, значит, неровно дышит, значит надо возблагодарить. И, прощаясь, приобняла она Витюшка неловко и чмокнула его в щёку. Марина чуть зарделась; щека молодого человека была с плотной кожей, с волосками; а опытному Вите, казалось, было всё равно.

У Марины была хорошая подруга – Света, Светик-семицветик, рыжая, как стерва, худая – кости наружу, но страсть какая озорная: вечно что-то о своих похождениях сказывала откровенно, да с юморком. Не стеснялась ничего. Хоть и легкодоступной, по всей видимости, была Света, да толковой в жизни: училась хорошо, много что знала и мнение своё у неё имелось в наличии по любому вопросу. Одним словом – эрудиция загуливать не мешала. И правильно! Только вот Маринке не по себе было: раз уж у эрудитки Светика столько всего было пикантного в краткой её биографии, то сколько ж всего бывало у других девушек,

складом ума попроще? Мысли в голове Маришки слипались, как переваренные макароны, от всего этого...

Сидели как-то раз в институтской столовке Маришка со Светиком, кушали овощные салатики диеты ради, соком запивали. Решила Марина поделиться наметами своих планов сойтись с Витей ближе.

– Правильно, правильно! Давно пора уже тебе. Нехорошо быть одной – засмеют во-первых, и прыщи во-вторых, – подбадривала Света свою подругу. Дальше они о чём-то другом, отвлечённом, беседе вели, но рыжая девица вернулась к начатой ранее теме.

– Маринка, что-то ты давно одна ходишь... Может ты... это... – начала осторожно Света.

– Чего – это? – удивилась Марина, не понимая, к чему разговор клонится.

– Ну, это... того... – сказала Света многозначительно.

– Да нет, ты зря подумала, мне мальчики нравятся! – ответила Марина немного обиженно, с полминуты перед тем подумав. Света сверкнула миленько своими глазками, тряхнула рыжими кудрями и засмеялась в голос, не стесняясь крупные зубы показать:

– Эх, мать, ну что ты такое несёшь! Я от тебя вообще совершенно другое хотела узнать...

Света вдруг посерьёзнула и продолжила, близко к Марине склонившись.

– Мать, как бы тебя спросить-то... Вдруг ещё обидишься.

– Скажи уж как есть.

– Марина, а у тебя того... это... С мальчиками было?

Марина свой взор уронила. Стыдно было отвечать.

– Нет. Я ещё девочка, – ответила она.

– Ну ты даёшь! Что, правда?

– Да...

– Ну ты того, это... Блин. Не ожидала. Чёрт! Засиделась... Ой! Прости. Хотела сказать, что ты молодец с одной стороны, что себя сохранила, для любимого, так сказать. А с другой стороны... того... это... А у меня вот вообще в первый раз в четырнадцать было!

– В четырнадцать? – перепросила Маришка; и стыдно ей было, и любопытство одолевало.

– Агась.

– Расскажешь, как у тебя это было? – спросила Марина, в титанических муках перебарывая в себе робость.

– А чего тут рассказывать? Я думала больно будет, но я мальчика попросила мне банку коктейля купить. «Ягуар», помнишь раньше все такой пили?

– Ты уже выпивала в четырнадцать?

– А что тут такого? В восемнадцать бросила. Покурить приятнее.

– И чего дальше?

– Ну я выпила баночку залпом и улетела. У меня ноги подкашиваются, голова кружится, а я говорю мальчику, что это у меня это всё от любви. Отнёс меня он на кровать, значит-то, и дальше нежный такой был, и умелый. Сам меня раздел, поигрался немного...

Марина заёрзала на стуле, хоть и хотела она со стыда провалиться сквозь землю.

– А потом, чтоб мне больно не было, он пальцами сначала, ну как врач, а дальше сам разделся и того... это...

– Ладно, Светик, ясно всё, – попросила Марина подругу остановиться.

– Крови много, конечно, было. Думала я, что она кончится, кровь-то, – продолжала Света, в раж войдя.

– А самое интересное знаешь что? Это брат мой был троюродный. Ему тридцатник стукнул недавно. И что, что брат? Умелый такой, всё хорошо сделал, многому меня

научил. Блин. Я потому и успешная такая! В этом плане. Недавно мы кстати, снова виделись у него на даче, ностальгия на слезу прошибла, и мы того... это... предались воспоминаниям, короче. Ещё раз у нас было. Можешь со мной, кстати, Маришка, на свадьбу его пойти, через две недели будет. Невеста у него дура кривоногая, ну да ничего...

Марина не знала, что и ответить; салат не лез в её желудочно-кишечный тракт и явно обратно просился. А когда девицы покидали заведение студенческого общепита, Света вдруг ни с того ни с сего зловеще промолвила:

– А может, оно и хорошо, что ты, Маринка, за опытного ухватилась...

Маришка виду не подала, ну всю последующую ночь не спала, изводя себя всяческими размышлениями, навеянными словами подруги.

В следующую встречу с Витей Маришка позволила себя поцеловать в губы.

Были, конечно, поцелуи у Маришки и раньше; было и пребывание в детском лагере в Сочах после пятого класса, и целование по кругу во время пресловутой игры «в бутылочку» – дикая оргия сопливеньких младшеклассников... но далее взаимного обмена слюнями друг друга дело не доходило.

Жарко было Марине целоваться. Витя был доволен. Порывался и второй раз поцеловать, но робкая и скромная Маринка чего-то вдруг сразу стала кокетливой и жеманной – отталкивала Витю с гримасами, намекала на следующий раз, просила его остыть. Словом, кокетливость свою избрала оружием соблазнения.

Стал худее после этого случая Витин кошелёк. Помимо своего природного обаяния решил он воспользоваться и падкостью современных девушек перед материальными благами: стал Маринку кормить в ресторациях, обсыпать вениками-букетами и всякими безделушками. Так оно обычно и бывает. Таким поведением мужчина обычно будто бы подтверждает, что располагает достаточными суммами для отношений... не только лишь товарно-денежных... А Маринка, в свою очередь, одеваться стала лучше, и каждая новая шмотка, выцыганенная у родителей и одетая девушкой, была словно новая надпись на ценнике.

Прошёл уж месяц; молодые люди из Москвы так и не уехали – заграничные поездки не вошли тогда ещё окончательно в моду у обывателей; объяснений своим отношениям серьезнее дружбы ребята не давали, а свыше поцелуев, количество которых строго нормировалось Мариной, у них ничего не было. Пока что.

А тут вдруг смог с горящих торфяников приплыл, и обстановка стала ещё романтичнее. Эх, лето-тело! Девушки-подмышки! Сидели Марина и Виктор в парке, утомлённые солнцем, все в гипоксии ввиду смога. И что-то вдруг всё пошло у них в разбег: Маришка свела после первого за тот день поцелуя свои лопатки одну к другой, и туго выкатились в пространство её груди под кофточкой. Витя понял намёк – тут же всё туго выкатившееся в пространство обьял ладонями. Теперь уж совсем крепко они целовались и обжимались всё усерднее. Витюшок был весь в пене аки конь ретивый и дышал часто, да всё равно... ничего так и не случилось в тот вечер.

И вот, ближе к августу наконец-то набрался смелости Витя и пригласил Маринку к себе домой на *romantique*, так косноязычная столичная молодёжь, мешая французский с нижегородским, называла вечера с наметами сойтись ближе, – покуда родители его на даче отсиживаться будут, разумеется. Поначалу подумывал молодой человек затовариться необходимой провизией заранее, но потом решил доверить выбор девушке – в супермаркет-цукермаркет пошли они вместе, под ручку взявшись. Витя показательно выбирал всё самое дорогое, намекая на серьёзность своих намерений, а затем долго тряс мелочью и хрустел купюрами на кассе, и изучал с нарочитым вниманьем чек так, что сумма в нём и девушке видна была.

Вечер сразу пошел в разгон и вино оказалось кстати. Пока что робко и несмело проползали пальцы на неприкрытые одеждой части тела. Особым образом подобранная тан-

цевально-романтическая музыка нежно проникала в диффузоры стереосистемы. Преодолев гематоэнцефалический барьер гормоны стучались, казалось, прямо в мозг. Когда их концентрация зашкалила, настало уж время и решительных поползновений, но тут Маринка словно разом отрезвела и заголосила устало и томно:

- Витя, Витя, не надо.
- Марина, но почему?
- Витя, я девочка ещё...
- Что, правда?

Марина не ответила, лишь обречённо вздохнула. Витя сел поодаль от подруги своей, обхватив руками буйну голову.

Порою в особый момент сказать «я – девственница/девственник» так же драматично и сложно как сказать «у меня рак», разве что рак не лечится – хотя, в наш продажный век и с первого, и со второго можно нехилый барыш получить. Если ты болен, тобой заинтересуются доброхоты из благотворительных контор, и на спасении души твоей в два счёта капитал на людском сострадании состряпают; если ты девственница/девственник – тобой, возможно, заинтересуется сутенёр – чистота, как и страдание, тоже ведь товар. В наш век невинность обречена...

Витя хлебнул винца и снова подсел к Марине, лозой на неё дыхнув. И Шепилов к ней примкнул... Девушка после недолгих секунд объятий отстранила от себя молодого человека. Её возмущённый разум кипел.

– Мариночка, девочка моя хорошая... – обиженно заговорил Витя.

– Ну чего тебе, Витя? – спросила Марина, поглаживая собеседника по волосам, не понимая, куда он клонит.

– Мариночка, скажи мне, ты готова сейчас...

– Витя, нет ещё.

– Марина, я ведь всегда с тобой буду!

– Это само собой, – девушка улыбнулась, – Но Витя, прости, я не готова ещё...

– Ты будешь моей? – прямо, но жалобно спросил молодой человек, неожиданно мутировавший из надменного самоуверенного ловеласа в побитую собаку.

– Конечно...

– Обещаешь?

– Обещаю.

– А сейчас чего делать будем?

– Как понять?

– Мариночка, ты так завела меня!

– Витя, я не готова пока что...

– Марина, ты так завела меня! Мне потом плохо будет, очень плохо, – жаловался и причитал Витюшок, обнявший Марину. Они полулежали на тахте, держались за руки. Витя потащил Маринину руку по своему животу куда-то ниже.

– Витя! Нет! Ужас какой, – заговорила Марина и с силой одёрнула свою руку.

– Марина, ты так завела меня! Мне потом плохо будет, очень плохо, – совсем уж жалобливо говорил Витя и казалось будто бы он вот-вот того и гляди слезу пустит. Марина задумалась. Не хотелось ей и в самом деле молодого человека обижать. Из-за его слов чувствовала себя она немного виноватой – как же так, ведь и в самом деле она «завела»... А молодой человек молодец – вечер хороший устроил, настроенье и обстановочку соответственные подбрал, да ещё и в супермаркете на всякие вкусности и полезности растратился значительно.

В итоге, сжалилась над Витей Марина. Сама позволила направить свою руку. Удивилась твёрдости и теплоте плоти, проскользнувшей в её смуглый кулачок. Новые тактильные ощущения взломали ей голову. Главное было не смотреть за процессом, не думать, что это

так неприятно. Молодому человеку ведь надо! Ради него можно и перебороть в себе страх. Ради него можно и постараться. Любопытство расцвело в девушке и именно оно помогло избавиться от дурных сомнений.

Витя полулежал на спине, продолжая сюсюкать полушёпотом что-то нежное, весь томный; Марина лежала полубоком к нему, с закрытыми глазами, упершись лбом в Витино плечо, вся взволнованная. Витя держал Маринину руку за худенькое и изящное запястье, направляя движения в кисти. Продолжалось это долго – по крайней мере, не так быстро, как Марине бы хотелось.

– Мариночка, Марина, я сейчас... – заголосил Витя.

– Нет, не запачкай! Меня дома убьют! – в испуге ответила ему девушка. Витюшок подвинул Маришку, задрал ей футболочку почти по рёбра, и покуда бедная Маринка успела что-либо сообразить, справился со всем сам...

В тот вечер ошарашенная и полупогружённая в какие-то туманные грёзы Марина вернулась домой совсем поздно. Долго стояла она впоследствии под тугими струями горячего душа и с удивлением долго разглядывала свои руки и живот, будто бы не узнавая их...

...На следующий день вечером созвонилась Марина со Светиком и, смущаясь и робея, рассказала всё о своих недавних приключениях. Света на другом конце провода еле сдерживалась от смеха.

– Эх, Марина, ты знаешь, у меня тут недавно, ну ты понимаешь... – говорила Света.

– Чего недавно?

– Мужчина один был. Богатый, красивый даже, но уж очень меня старше. А как ухаживал! Ох, так и сорил деньгами. А ещё эрудит, ну ты понимаешь...

– И чего?

– А я в чёрной юбочке, белой кофточке, с двумя косичками, ну ты понимаешь, – выливая я школьница!

– Так чем дело-то закончилось?

– Ну, понимаешь... Повёлся он, когда я ему наплела, что я школьница и девочка ещё. Ты б его глаза видела! Такие несчастные! Как конфету отняли.

– И у вас ничего не было?

– Как же так ничего не было? Обижаешь! Ну, он сказал, что хочет чистой меня оставить и ещё последствий он, наверное, боялся... И я ему только ручкой... ну, понимаешь...

– Хитрая ты! – сказала Марина, а сама подумала о том, какая же за всем этим грязь стоит.

– В одном только ресторане на сто евро наели! И оставил мне потом в конвертике... на леденцы так сказать. Но это неважно! Важно, что беседовали... как сказать... интеллектуально. Интеллектуальный интеллигент он, ну ты понимаешь, – хихикала Света в трубку...

После звонка Марина воспарила духом. До неё только дошло, что теперь может она смело заявить во всеуслышание, что у неё есть молодой человек! Что она сразу и сделала... Теперь и у неё было, что с подругами обсудить!

Встретившись спустя какое-то время с Витей, Марина делала вид, будто во время прошлой встречи ничего особенного не произошло между ними; Витя же, напротив, позволял своим рукам наглые вылазки, отпускал сальные шуточки и, вместе с тем, пуще прежнего клялся в любви до гроба плюс к тому всё активнее и активнее заманивал Маринку к себе в гости. Знала Марина, чем все это обернуться может – тем, что «уломает» её приятель в конечном итоге. Вот и отказывалась она от randevu в квартире Витиных родителей под самыми благовидными предложениями... пока ей не надоело придумывать предлоги. Девушка согласилась.

Вина было больше, продукты были ещё дороже, а, значит, и атмосфера была романтичнее. С дрожью во всём теле поглядывала Маринка на тахту ну или диванчик в углу комнаты, на котором она полулежала вместе с приятелем в прошлый раз, как к нему в гости попала. Понимала, что ей уже не вырваться, что вынуждена она будет на том диванчике оказаться ещё раз так или иначе, рано или поздно. Так и случилось. Диалог был почти тот же, что и в прошлый раз.

– Мариночка, ну скажи мне, когда ты готова будешь...

– Витя, не время ещё, прости меня, мой хороший...

– Марина, я ведь всегда с тобой буду!

– Куда ты денешься, – девушка улыбнулась, – Но Витя, прости, я не могу сегодня.

– Ты должна быть моей, так или иначе, я ведь не смогу существовать без тебя, – прямо сказал молодой человек, неожиданно мутировавший обратно из побитой собаки в надменного самоуверенного ловеласа.

– А сейчас чего делать будем? – сказал он ещё.

– Ну что, опять как тогда? – в голосе Маринки чувствовались нотки фрустрации.

– Мариночка, ты так завела меня!

– Витя, ну как тебе сказать...

– Девочка моя, ты же знаешь наверное, как мальчикам можно приятно сделать, – сказал Витя и мазанул двумя пальцами по Маринкиным губам. Девушка действительно знала, правда исключительно в теории, о том, на что Витюшок столь бестактно намекнул: Светик-семицветик в своё время в красках Марине поведала об утехах подобного рода, а Марина потом с одной стороны не находила себе места от отвращения и непонимания, а с другой – от тягучего жгучего, до зуда внизу живота, девичьего любопытства. Маришка отвесила Витюшку полушутя, полуиграя пощёчину.

– Девочка моя, ну что ты, это же так естественно, а ты так... бесподобна, так сказать, что мне трудно себя в руках держать, – сказал Витя. Девушка снова почувствовала себя малость виноватой и обязанной. Ну как тут отказать молодому человеку в скромной просьбе? Ага, скромной – скромнее некуда!

– Ладно... – сказала Марина полушёпотом, чувствуя, как надсадно колотится сердце от преодоления робости, – Только свет погаси.

Свет погас. Марина расположилась опять бок о бок от Вити. И Шепилов к ней прижмнулся... Девушка понимала, что уже отказаться будет невозможно. Продолжить нельзя обидеть!

– Только кофточку сними, а то вдруг запачкаешь, – сказал Витя, тоже перешедший на шёпот. Маринка для виду поломалась-поломалась, но в конечном итоге сняла: всё равно ж темно. Лифчик снять не позволила, урезонив Витюшка хлётким до отчётливого хлопка ударом ладони по его запястью. Витя, взяв подругу за шею, пригнул девушку и тёмные волосы её упали молодому человеку на торс. Марина вспомнила как когда-то ныряла она на глубину – вот и сейчас точно так же набрала она воздуха в лёгкие сколько только может туда уместиться, и зажмурилась... Страшно ей было. Открыла Маринка рот и неспешно, робко и несмело задвигала шеей. Думалось девушке о том, что она грязная и разбитная, ну или по крайней мере чистоты в ней всё меньше и меньше. В то же время думалось ей ещё и о том, то все подруги её через что-то похожее, так или иначе, проходят, и что всё это естественно. А что естественно – то не безобразно. Рефлексия, оценка собственных действий то бишь, очень помогала девушке в те минуты отчаянного по неопытности интима – мысли позволили отвлечься ей от далеко не самых приятных чисто телесных ощущений...

Марина боялась сделать что-либо не так, боялась сказать что-нибудь партнёру, а ещё, сильнее всего, пугала девушку перспектива подавиться ну или захлебнуться. Надеялась она, что молодой человек предупредит её в решающий момент. Но нет. Сама Марина прибли-

жение финала не угадала, а Витя, напротив, в порыве страсти что ли, удержал Маринкину голову за затылок. Вот же негодяй! Бедная неопытная Маришка вынуждена была всё стерпеть. Дальше было самое для неё сложное – не подавая виду, что что-то пошло не так, поскорее разыскать умывальник. Маринка, не говоря ни слова, прошмыгнула в уборную – срочно ополоснуть ротовую полость. Витя подглядывал за ней через неприкрытую дверь: видел он плавную Маринкину талию, две родинки на ней слева, острые лопатки и чёрную застёжку бюстгальтера под ними.

– Девочка моя, всё хорошо? – спросил Витя в каком-то полуиспуге, перемешанном с ехидным самодовольством. Марина боялась виду подать, что ей далеко не всё понравилось, но вдруг неожиданная симпатия и нежность к избраннику охватили всю девушку сущность без остатка.

– Конечно, конечно, дорогой! – сказала Марина, к Вите повернувшись лицом.

– Мне всё очень понравилась, Маришка, спасибо, что ты есть!..

Поздно вернувшись домой, Марина первым делом не в душ пошла, а зубы чистить. Всю дорогу домой мечтала она об этом. Когда Маришка выходила из ванной комнаты, ей встретился отец, Пётр Алексеевич.

– Марина, а чего же это ты, спать что ли уже ложишься? – спросил он.

– Нет... А почему ты спрашиваешь?

– Дак у тебя в руке зубная щётка.

– Ну да, зубы перед сном почистить решила...

– Спокойной тебе ночи тогда, дочка. А мы с мамой ещё кино посмотрим.

– Спокойной ночи, папа.

– Щётку-то на место верни, смешная...

С утра Маринка сразу позвонила Светику и всё рассказала, хотя не просто ей было на это пойти ввиду совести и робости, но очень уж хотелось поделиться новым опытом. Света не смеялась – была на этот раз серьёзной.

– Надо сказать, Марина, ты меня ничем не удивила. Но всё правильно, так и надо! – сказала Света.

– Спасибо, подруга, – ответила Марина. Светик решила вдруг рассказать о том, как у неё в первый раз нечто подобное случилось.

– Да не за что. Вот... А ты знаешь, у меня такое впервые в четырнадцать было.

– Тогда же, когда ты с троюродным своим братом сошлась?

– Да нет, до того, ещё когда и вправду девочкой была... Вот...

– То есть нет ничего плохого в том, что я ещё девочка и уже... – начала уж было Марина и осеклась.

– Ничего конечно! Так и надо! Смело в путь. Ну так вот... Мне тогда четырнадцать было. Я с какими-то знакомыми в чьём-то подъезде у себя на районе выпивала. «Ягуар», как сейчас помню, пили. Ну а потом все ушли, а я пойти не могу, разобрало меня... Вот я и осталась с Ашотиком.

– Хорошо, что ты бросила эту дрянь пить...

– Да, теперь только элитные напитки, я ведь культуролог будущий, как и ты! Ну так вот. Осталась я, значит, с Ашотиком. А он красивый такой был, стройный. В спортзал ходил с пятого класса. Ну и попросил он меня, понравилась я ему что ли. Вот. Ну и встала я на коленочки... Сначала не очень приятно было. Он меня ещё к стене прижал спиной, а стена обшарпанная была, и я курточку испачкала, мама потом ругала меня за курточку-то, модная куртка была и дорогая... Вот...

Маринка помолчала с полминуты – не знала, что ответить.

– Ой, ну а вот ещё такая ситуация у меня была вот, – решила продолжить Светлана.

– Какая?

– Уже поле того, как я с братом троюродным... ну вот. Я никому пока что не говорила, что я уже не девочка, и даже когда с одноклассником встречаться стала, я говорила ему, что ещё девочка и мы только орально, вот...

– Ясно, – Марина удовлетворила своё любопытство и теперь не вешала трубку исключительно из вежливости: слушать подругу ей было совершенно неприятно.

– Так это ещё не всё. Ну так вот, встречались мы значит, а он всем разболтал, чем мы с ним занимаемся, и все стали меня обсуждать и надо мной смеяться. Мы и расстались... Вот...

– А дальше что было?

– Справляли мы чей-то день рождения, вот как сейчас помню, «Ягуар» пили...

– Опять «Ягуар»?

– Ну вот да... И как-то так вышло, что я вот в соседней комнате осталась с мальчиком одним. Он так ничего был. Стали целоваться, он и говорит, вот прям так сразу: «сделай мне приятно». Вот... Ну я и подумала, что какая разница: одним больше, одним меньше. Ну вот и приступили к делу. А потом поняла, что все остальные с того дня рождения на балкон вышли и наблюдают за нами, вот.

– Ужас какой!

– Вот именно! Да! Я тогда так здорово на всех обиделась. Это такой позор! Я себе все глаза выплакала, вот как Маргарита, я недавно читала, Маргарита, которая своего... э... Мастера вот в ГУЛАГ или куда там проводила. Вот.

– Кошмарно!

– Вот так вот! Аж школу пришлось сменить...

Раз уж после первого, робкого ещё подхода к телу своего избранника Марина гордо заявила во всеуслышание о серьёзности своих отношений, то после второго подхода настал черёд поделиться радостной новостью и с родителями, так девушка решила. Мать Марины Софья Андреевна была прогрессивной дамой по складу своего ума, по политическим убеждениям она являлась демократкой – как и все прогрессивные люди в представлении Марины. Софья Андреевна с уважением и вниманием отнеслась к выбору дочери, разве что попросила её быть аккуратнее в вопросах контрацепции, на что дочка обиженно ответила, что до этого дело ещё не дошло. Отца своего Петра Алексеевича Марина малость недолюбливала, скорее просто недопонимала, ввиду его отсталых политических патриотических взглядов. Пётр Алексеевич не отложил даже свою любимую газету «Завтра», когда дочка ему рассказывала в красках о том, какой Витя красивый, успешный и что вообще у него скоро будет, подумать только, своя машина. Отец Марины отнёсся к дочкиному выбору предосудительно. Не понравилось ему про машину, про успешность, про красоту, имя Виктор пришлось не по нраву, да и вообще, Пётр Алексеевич лишний раз напомнил, что для девушки-де самое важное сейчас это учёба. В подростковой шаловливой манере дразнить родителей назвала Марина своего отца ватником, но тот и не думал обижаться, только улыбнулся мило и продолжил читать передовицу за авторством господина Проханова.

– Папа, ну хоть бы газету отложил, пока я тебе про Витю рассказывала! – обиженно сказала Марина.

– Прости, зачитался. Но я всё равно тебя внимательно слушал!

– О чём таком там интересном пишут?

– Да так... Представляешь, теорию кто-то выдвинул, то есть особые вирусы, которые настроение человеку меняют, и их спецслужбы главных стран мира как бактериологическое оружие использовать хотели...

– Ну и чего?

– Так ещё там пишут вот о чём. Люди сейчас озабочены только потреблением. Есть гипотеза, что общество потребления – это эпидемия, вызванная особым вирусом, возможно искусственно выведенным. И ещё люди становятся от этого вируса бесплодными – бесплодными в плане идей, никто не хочет развиваться и развивать общество, люди хотят только потреблять и накапливать.

– Да бредни это, папа.

– Пускай что и бреди, зато образ красивый. Много что объясняет. Кого-то поразил вирус, а кого-то нет; кто-то выздоровеет, а кто-то так и помрёт больным... Не все же люди одним сплошным потреблением заняты. У кого-то, возможно, иммунитет имеется. У меня вот, как мне кажется...

– Ой, папа, ну опять началось! Ты всегда, особенно когда мы нищенствовали в моё детство из-за твоей работы на государство, обвинял успешных и богатых людей, считал их ущербными и обзывал потребителями. А сам весь такой в белом, посмотрите на него: я без копейки, зато благородный!

– Марина, не стоит так говорить. Я был верен всегда своему делу и не прогадал.

– Вот ты говоришь вечно: потребление, потребление – это плохо, потребление – это деградация. А разве оно плохо? Ну или так, есть ли ему альтернатива? Нету конечно, это просто закономерность развития общества, весь капитализм по здравому смыслу устроен, нас так учат в институте!

– Есть альтернатива! Конечно есть. В первую очередь я национальное самосознание имею ввиду. Русский космизм, например.

– Ой, не смей ты меня! Русский космизм, видите ли! Этот твой космизм – как выход в открытый космос без скафандра. Полный разрыв с реальной жизнью! «Фобос-грунт» твой ненаглядный рухнул на днях.

– Ну не скажи. А про «Фобос» не шути так, ты меня за живое задела, мои друзья всё же над ним работали.

– Говори тут не говори, я вот считаю, что правда одна – жить нужно хорошо и сыто и не мучить себя всякими идеями...

Марина снова была приглашена к Вите в гости. От встреч наедине они воздерживались уже около месяц. Лето теперь подходило к концу, скоро уж должна была прийти пора снова взяться за учёбу в пыльных и шумных аудиториях института. Марина согласилась, разумеется, в гости пойти. Как вода и песок смешаны в пульпе, так вот и в мозгу девушки перемешался страх перед тем, что от просьб молодого человека теперь уж точно ей не отделаться с желанием поскорее всё попробовать...

Перед тем, как в Витиной квартире расположиться, молодые люди предприняли уже ставший для них традицией поход в супермаркет. У стенда с алкогольной продукцией Марина вдруг остановилась и робко заговорила:

– Витя, а можно мне...

– Что угодно ради тебя.

– Не знаю, мне чего-то вдруг захотелось...

– Чего?

– «Ягуар» возьмёшь мне? Маленькую баночку.

Витя был удивлён, но просьбу девушки осуществил.

Когда молодые люди перешагнули порог Витиной квартиры, Шепилов громко заявил, что Марину ждёт подарок. Девушке стало любопытно. Подарком оказался комплект постельного белья, белого с розовыми рюшечками. Да уж, с намёком презент и циничный без меры... Марина, впрочем, не была шокирована или удивлена: баночку «Ягуара» она выпила уже по дороге. Подарок оказался одноразовым: простынка отправилась в мусорный

бак сразу после того, как было испорчено трудновыводимым пятнышком крови, да таким, что даже модный разрекламированный порошок с гранулами для автоматической стирки не справится. Сгорела Маринкина чистота, как танец «Хромая лошадь», как лужковский манеж, как геростратов храм сгорела...

...После случившегося Марина по своей привычке позвонила Светику-семянцу доложить.

– Света, привет! Как твои дела? Что делаешь?

– Я ломаю слоистые скалы в час отлива на илистом дне, – ответила Светка задумчиво и томно.

– Чего? – переспросила Маринка.

– Да вот читаю. Дальше первых строчек всё никак продвинуться не могу... Скучно, так сказать.

Марина поведала о случившейся с ней перемене, впрочем, без особых подробностей. Света подбодрила подругу тем, что, дескать, впереди Маринку ждёт ещё самое интересное и что ещё ей предстоит наловчиться и самой получать недюжинное удовольствие. Далее Светик-Семянецик чего-то вдруг настропилилась поведать по своему обыкновению очередную историю. Одна история у неё была замечательней другой.

– Ой, Маринка! Ведь как интересно всё бывает... Я очень рада, что у тебя это важное, так сказать, событие безболезненно и с возлюбленным прошло. А ведь всё иначе бывает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.